

Секция № 8
«Методология исследования
политики в процессе
преподавания политологии»

Содержание

Алексеева М. А., Михалкина Т. К. ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ПОЛИТОЛОГИИ)	768
Арина О.П. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНТРОЛЬНО-ИЗМЕРИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПРИ ОЦЕНКЕ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ ПО ПОЛИТОЛОГИИ.....	773
Барбошина Н.В. КОМПЕТЕНТНОСТНО - ОРИЕНТИРОВАННОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ ПОЛИТОЛОГИИ В СООТВЕТСТВИИ С ФГОС ВПО	781
Вагина Л. С. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС	785
Вдовина А.А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИКИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ.....	791
Гоптарева И.Б. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ	800
Макимова О. Н. ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ КАК ОДИН ИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ	808
Манохина С. Ю. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – ОСНОВА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ.....	816
Маслова И.А. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК КОНЦЕПТ ОБРАЗОВАНИЯ...	823
Хамидуллин Н. Р. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	833
Шакирова Э.З. ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ РЕЛИГИИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ПОЛИТОЛОГИИ	839

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ПОЛИТОЛОГИИ)

Алексеева М. А., Михалкина Т. К.

**Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования Старорусский филиал
Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и
экономики, г. Старая Русса**

Современное российское образование направлено на подготовку не только высокопрофессионального специалиста, востребованного на рынке труда, но и личности, которая готова в различных ситуациях изменяющегося окружающего мира принять единственно верное решение, применить полученные знания в конкретной деятельности.

В связи с введением федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения актуален поиск новых педагогических технологий, методов и средств обучения, которые бы соответствовали компетентностному подходу к отбору содержания образования.

Компетентностный подход, как отмечает Г.И. Ибрагимов, будучи ориентированным, прежде всего, на новое видение целей и оценку результатов профессионального образования, предъявляет свои требования и к другим компонентам образовательного процесса – содержанию, педагогическим технологиям, средствам контроля и оценки. Главное здесь – это проектирование и реализация таких технологий обучения, которые создавали бы ситуации включения студентов в разные виды деятельности (общение, решение проблем, дискуссии, диспуты, выполнение проектов) [1].

Овладение компетенциями невозможно без приобретения опыта деятельности, так как компетенции и деятельность неразрывно связаны между собой. Компетенции формируются в процессе деятельности и ради будущей профессиональной деятельности. В этих условиях процесс обучения приобретает новый смысл, он превращается в процесс учения/научения, т.е. в процесс приобретения знаний, умений, навыков и опыта деятельности с целью достижения профессионально и социально значимых компетентностей.

Предпочтение в этом процессе отдается активным методам обучения и воспитания. Примером может служить хорошо известный метод проектов.

Метод проектов – личностно-ориентированный метод обучения, основанный на самостоятельной деятельности обучающихся по разработке проблемы и оформлении практического результата (И.Б. Бурцева) [2].

Метод проектов рассматривается как совокупность приемов, действий обучающихся в их определенной последовательности для достижения поставленной задачи – решения определенной значимой для них проблемы и оформленной в виде некоего конечного продукта (Е.С. Полат) [3].

В педагогическом словаре проектная деятельность определяется как способ организации педагогического процесса, основанного на

взаимодействии, сотрудничестве и сотворчестве педагога и воспитанников в ходе поэтапной практической деятельности по достижению намеченных целей и современная образовательная технология [4].

Выделим характерные черты проектной деятельности:

- сотрудничество и сотворчество всех субъектов педагогического процесса при ориентации на самостоятельность обучающихся;
- использование комплекса знаний и навыков из различных сфер (межпредметность);
- соответствие поставленных проблем реальным интересам и потребностям обучающихся;
- четкая последовательность этапов реализации проекта и работы над ним;
- творческая направленность, стимулирование самореализации и самоактуализации личности;
- направленность на практический, социально-значимый результат.

При первом ознакомлении с характерными особенностями (активность и самостоятельность студентов, практическая направленность, соответствие тем проектов интересам студентов) метода проектов становится очевидным его направленность на социализацию личности и, как следствие, развитие общекультурных компетенций.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования нового поколения требует формирования у выпускников общекультурных компетенций: культуры мышления, умений воспринимать, перерабатывать информацию, ставить цели и выбирать пути их достижения, логически верно и ясно строить устную и письменную речь, работать в коллективе, работать в глобальных компьютерных сетях, быть готовым к сотрудничеству с коллегами и др. [5].

На формирование этих компетенций в рамках изучения дисциплины Политология был направлен информационный, коллективный, средней продолжительности проект на тему: «Анализ международной политики. Россия в геополитической ситуации XXI века». Участниками проекта были студенты 2 курса, изучающие политологию.

Цель проекта:

образовательная

- изучение геополитической обстановки, анализ места и роли России в современном глобальном мире, современных политических реальностей России и зарубежных стран;

развивающая

- развитие компетенций и информационной культуры студентов;

воспитательная

- корректировка системы нравственных ценностей и ориентиров, воспитание значимых общечеловеческих ценностей (социальное партнерство, толерантность, чувство ответственности, самодисциплины и др.)

Этапы работы над проектом

Этапы	Деятельность преподавателя	Деятельность студентов	Формирование компетенций
1.Подготовительный	<p>Определение темы, целей и задач, типа проекта, количества участников.</p> <p>Тема проекта Анализ международной политики. Россия в геополитической ситуации XXI века Создание непринужденной обстановки, атмосферы сотрудничества, нацеливание студентов на активную работу, уважительное отношение друг к другу.</p>	<p>Погружение в творческую атмосферу, настрой на активную практическую деятельность, выбор темы будущего проекта, прогнозирование результатов, выбор способа реализации результатов проекта.</p>	<p>Развитие умения целеполагания, самостоятельности в постановке проблемы, развитие гуманистических установок личности, корректировка системы нравственных ценностей и ориентиров.</p>
2. Организационный	<p>Наблюдение, консультация в вопросах поиска информации, работы в группе, при необходимости организация работы групп, определение временных рамок</p>	<p>Уточнение информации, формирование группы, распределение ролей, разработка плана будущей деятельности, выбор методов работы, определение источников</p>	<p>Развитие психологической, конфликтной, вербальной и коммуникативной способностей: развитие умения вести дискуссию, организаторских способностей, умения прогнозировать</p>

	дальнейшей работы.	информации	ситуацию. Выбор социальной роли.
3. Деятельност-ный	Наблюдение, консультация, координация проекта, помощь в подготовке к защите проекта и оформлении результатов.	Непосредственная работа над проектом, консультация с преподавателем, подготовка к защите проекта.	Развитие самостоятельности, приобретение и использование знаний о политической жизни общества, субъектах политических действий, механизмах формирования и тенденциях развития международных отношений, приобщение к политической культуре общества.
4. Презентативно-оценочный	Участие в групповом анализе и оценке результатов, обобщение полученных результатов, подведение итогов, организация рефлексии.	Представление результатов, защита проекта, анализ, оценка результатов и проделанной работы, выявление успехов и неудач, обсуждение перспектив и тем новых проектов.	Развитие навыков публичных выступлений, навыков самоанализа, повышение самооценки и самоуважения, корректировка системы нравственных ориентиров и установок.

Деятельность людей зависит от их способности эффективно использовать информацию. Поэтому в процессе реализации проекта студенты учились ориентироваться в информационной среде образовательного учреждения, получая информацию из учебных ресурсов библиотеки, средств массовой информации, сети Интернет, работая в компьютерных классах, создавая мультимедиа презентации на каждом этапе своей деятельности. В результате

совместной деятельности студенты подготовили итоговую презентацию и мультимедийное пособие Справочник стран.

Таким образом, проектная деятельность, являясь личностно-ориентированной технологией XXI века, становится все более востребованной в системе образования, в том числе и по причине ее ярко выраженной творческой, гуманистической и социальной направленности.

Она предоставляет широкие возможности для развития компетенций, обусловленных опорой на самостоятельность и личный жизненный опыт студентов.

Участие в проектировании развивает исследовательские и творческие способности личности студентов, способность к самоопределению и целеполаганию, умения самостоятельно конструировать свои знания, коммуникативные умения и навыки, способности ориентироваться в информационном пространстве (отбирать информацию из разных источников, использовать возможности Интернет, умение работать с различными типами текстов, умение планировать свою работу и время, навыки анализа и рефлексии, умение представить результаты своей работы.

Список литературы

1. Ибрагимов, Г.И. Компетентностный подход в профессиональном образовании. / Г. И. Ибрагимов. - *Educational Technology & Society* 10(3) 2007. - ISSN1436-4522.-Режим

доступа: http://ifets.ieee.org/russian/depository/v10_i3/pdf/3_Ibragimov.pdf.

2. Бурцева, И.В. Применение проектного метода в процессе подготовки специалистов социальной работы как менеджеров/ И.В. Бурцева. – // *Интеграция образования: научно-методический журнал*.- 2007 .- № 3/4.- С. 71-75. ISSN 1991-9468. –Режим доступа: <http://www.edumag.mrsu.ru/>.

3. Полат, Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: Учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров [Текст] / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева, А.Е. Петров; под ред. Е.С. Полат. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 272 с.- ISBN: 978-5-7695-4788-1.

4. Педагогический Энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.М. Бим-Бад [Текст] М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. — 528 с. — ISBN 5-7107-7304-2.

5. Российское образование. Федеральный образовательный портал: учреждения, программы, стандарты. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования. Режим доступа: http://www.edu.ru/db/portal/sred/archiv_new.htm.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНТРОЛЬНО-ИЗМЕРИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПРИ ОЦЕНКЕ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ ПО ПОЛИТОЛОГИИ

Аринина О.П.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

В настоящее время в российском высшем образовании происходят существенные изменения. Информационные технологии быстро развиваются и активно используются в процессе обучения. Центр тяжести при использовании новых информационных технологий переносится на студента, он становится не обучаемым, а обучающимся. Меняется и роль преподавателя, его место и основные функции в учебном процессе. Преподаватель и студент становятся равноправными партнерами. Самостоятельная учебная деятельность студента становится ведущей, а деятельность преподавателя – направляющей, способствующей эффективному обучению.

Важным условием повышения эффективности учебного процесса является систематическое получение преподавателем объективной информации о ходе самостоятельной работы студента, о фактических результатах обучения в целом. Эту информацию преподаватель получает в процессе контроля учебно-познавательной деятельности студентов. Контроль в педагогическом процессе рассматривается как процедура оценочной деятельности, включающая в себя действия с использованием разнообразных педагогических контрольно-измерительных материалов, предназначенных для получения информации о ходе и результатах обучения.

В учебном процессе контроль играет важную роль и выполняет ряд значимых функций в познавательной деятельности студентов. Наряду со своей основной функцией (проверка знаний), контроль осуществляет обучающую, диагностическую, воспитывающую, развивающую, прогностическую и ориентирующую функции.

Проверка знаний – это способ получения информации о качественном состоянии учебного процесса, установление обратной связи студент-преподаватель, и учет результатов контроля.

Обучающая функция контроля заключается в совершенствовании знаний и умений, их систематизации. Обучающий контроль проводится с профилактическо-предупредительной целью и с целью управления процессом обучения, формирования навыков и умений, их корректировки и совершенствования.

Диагностическая функция – получение информации об ошибках, недочетах и пробелах в знаниях и умениях студентов, о числе и характере ошибок, причинах затруднений в овладении учебным материалом. Результаты диагностических проверок помогают выбрать наиболее интенсивную методику обучения, а также уточнить направление дальнейшего совершенствования методов и средств обучения.

Прогностическая функция проверки служит получению опережающей информации об образовательном процессе. Прогноз помогает получить верные

выводы для дальнейшего планирования и осуществления образовательного процесса.

Развивающая функция контроля состоит в стимулировании познавательной активности студентов, в развитии их творческих способностей. Контроль оказывает большое влияние на развитие и проявление таких качеств личности, как способности, склонности, интересы, потребности.

Ориентирующая функция – получение информации о степени достижения цели обучения отдельным студентом и группой в целом – насколько усвоен и как глубоко изучен материал. Вскрывая пробелы, ошибки и недочеты, контроль помогает студенту лучше оценить свои знания и возможности.

Воспитывающая функция контроля состоит в воспитании у студентов ответственного отношения к образованию. Проверка побуждает студентов регулярно контролировать себя при выполнении заданий [1].

В Оренбургском государственном университете различают следующие виды контроля: текущий и рубежный контроль, промежуточная аттестация [2].

Главное назначение текущего контроля – оперативное получение объективных данных об уровне знаний студентов, о ходе усвоения учебного материала, о формировании их знаний. Своевременное получение подобной информации помогает преподавателю применить более эффективные образовательные технологии.

Текущий контроль по дисциплине «Политология» осуществляется в повседневной учебной работе на семинарских занятиях, во время индивидуальных консультаций и выражается в систематических наблюдениях преподавателя за учебно-познавательной деятельностью студента на каждом занятии.

Семинарское занятие является завершающим звеном в изучении определенной темы или вынесенных на обсуждение проблем, предусмотренных учебным планом дисциплины, и представляет собой комплексную форму контроля. В зависимости от содержания темы, профиля получаемых студентами специальности, целей и задач семинарского занятия выбирается методика проведения занятия, среди которых: развернутая беседа на основании плана, предложенного преподавателем; устный опрос обучающихся по вопросам плана семинара; прослушивание и обсуждение докладов обучающихся; обсуждение письменных рефератов, заранее подготовленных отдельными студентами и затем до семинара прочитанных всей группой [3]; семинар-дискуссия; семинар – деловая игра; смешанная форма, с элементами различных форм проведения и др.

Индивидуальная консультация – одна из форм текущего контроля, которая, однако, нацелена не на оценку знаний, а на определение преподавателем степени понимания темы и оказание необходимой студенту помощь советами и рекомендациями относительно последующего пополнения знаний.

Виды текущего контроля при изучении той или иной темы определяется преподавателем (на одном занятии может быть применено несколько видов).

Студент так же может выполнить какую-либо работу вне аудитории и тем самым повысить свой балл.

Уровень подготовки студента к практическим занятиям и качество выполненных самостоятельно индивидуальных заданий оценивается ведущим преподавателем. Наряду с традиционной методикой оценки знаний студентов ее можно осуществлять по 100-бальной рейтинговой системе. Количество баллов за каждый вид текущего контроля устанавливается с учетом ее значимости.

Примерные виды текущего контроля и количество баллов по ним:

– индивидуальный или групповой опрос	– 10—20
– контрольная работа	– 30—35
– индивидуальная или групповая презентация (представление выполненного задания)	– 20—30
– составление плана текста	– 15—20
– конспектирование текста	– 20—30
– составление тезисов ответа	– 25—35
– ответы на контрольные вопросы	– 5—10
– анализ деловых ситуаций (анализ ситуации, данной в виде текстового, графического, видеofilmа или устного материала, анализ вариантов решения проблемы, выбор оптимального варианта)	– 20—35
– тесты множественного выбора	– 20—30
– деловые игры	– 20—30
– подготовка сообщения по теме семинара	– 20—25
– реферирование, рецензирование, аннотирование научной литературы	– 20—30
– доклад на заданную тему	– 35—45
– защита выполненных заданий или работ	– 15—20

Преподаватель должен при проведении семинарского занятия и подборке индивидуальных заданий для самостоятельной работы студента обеспечить объективную возможность накопления баллов максимального рейтинга каждому желающему студенту, включая 10 баллов за активность и 10 баллов за посещаемость. Студенты, пропустившие занятия имеют право отработать не выполненные ранее виды работ и получить баллы, причем 20 баллов не полученные ими за активность и посещение занятия могут компенсироваться выполнением дополнительных заданий.

Таким образом, на каждом занятии студент может набрать максимально 100 баллов. Окончательный результат текущего контроля вычисляется преподавателем путем определения среднеарифметического результата по всем проведенным практическим занятиям.

Рубежный контроль знаний студентов выявляет результаты произведенных педагогических действий и дает информацию о том, какими

оказались фактические результаты обучения, имеют ли они отклонения, что следует предпринять для устранения возникших отклонений и предупреждения их появления в будущем.

Для проведения рубежного контроля в ОГУ определены следующие сроки:

- для студентов очной формы обучения на 8-й и 14-й учебных неделях каждого семестра;

- для студентов очно-заочной формы обучения на 8-й учебной неделе каждого семестра.

Рубежный контроль знаний студентов осуществляется в следующей форме:

- специальности, по которым учебным планом предусмотрен экзамен, оцениваются по пятибалльной системе с выставлением оценок: «отлично», «хорошо», «удовлетворительно», «неудовлетворительно»;

- специальности, по которым учебным планом предусмотрен зачет, оцениваются по шкале «зачтено» или «не зачтено» [4].

Рубежный контроль преподаватель может осуществлять различными методами, например:

- тестирование в системе АИССТ, для его проведения преподавателем создается контрольное занятие по изученным студентами темам, назначается время проведения и аудитория (компьютерный класс), по результатам тестирования распечатывается ведомость с оценками;

- разнообразные формы семинара-коллоквиума (коллоквиум как мини экзамен – студент получает вопрос, самостоятельно готовит ответ, далее следует устная беседа с экзаменатором, задаются дополнительные вопросы; коллоквиум как беседа, имеющая цель выяснение и повышение знаний студентов, на коллоквиуме обсуждаются отдельные части, разделы, темы, вопросы изучаемого курса, рефераты и другие работы обучающихся; коллоквиум как научное собрание, на котором заслушиваются и обсуждаются доклады; письменный коллоквиум; др.);

- письменная работа, выполняемая обучающимися во внеаудиторное время (реферирование или конспектирование научной литературы, доклады или эссе по пройденным темам, др.).

После выбора вида рубежного контроля и формы его проведения преподавателю необходимо подготовить темы, доклады, вопросы и другие дидактические материалы для проведения рубежного контроля. Одновременно следует сформулировать критерии правильных ответов (то есть, решить, какие ответы будут считаться правильными, полными и достаточными). Формулируются эти критерии в виде перечня разделов, тем и положений дисциплины, которые должны быть обязательно включены в ответы студентов. Ответы должны быть структурированы и логично изложены.

Ответы, считающиеся правильными, полностью соответствующие сформулированным преподавателем критериям, письменные работы, подготовленные в соответствии со всеми выдвигаемыми требованиями,

оцениваются в 100 баллов. Студенту, ответы или письменная работа которого не соответствуют одному или нескольким критериям, преподаватель снижает итоговое количество баллов пропорционально сделанным студентом ошибкам (при выборе тестирования в системе АИССТ оценки выставляются автоматически).

Окончательный результат рубежного контроля знаний студентов по дисциплине должен включать в себя результаты текущего контроля. Весомость текущего контроля должна составлять не менее 40 %, остальные 60 % определяются результатами проведенного письменного и устного рубежного контроля.

Формула окончательной оценки рубежного контроля принимает следующий вид:

$$\text{ОРК} = [0,6 \times (\text{РК}) + 0,4 \times (\text{ТК})]$$

Где, ОРК – оценка рубежного контроля;
РК – результат рубежного контроля;
ТК – среднеарифметический результат текущего контроля.

100-балльная система, используемая при оценке знаний студентов, конвертируется в 5-балльную или в оценку «зачтено», «не зачтено».

Параметры конвертации при промежуточной аттестации в форме экзамена:

- 0—50 баллов = 2 (неудовлетворительно)
- 51—64 балла = 3 (удовлетворительно)
- 65—79 баллов = 4 (хорошо)
- 80—100 баллов = 5 (отлично)

Параметры конвертации при промежуточной аттестации в форме зачета:

- 0—60 баллов = «незачтено»
- 61—100 баллов = «зачтено»

Например, при среднеарифметическом результате текущего контроля у студента 64 балла, а рубежного контроля 78 баллов, оценка рубежного контроля составит:

$$0,6 \times 78 + 0,4 \times 64 = 72,4$$

Таким образом, студенту выставляется оценка «хорошо» (4), если учебным планом предусмотрен экзамен и оценка «зачтено» – если в учебном плане «зачет».

Результаты рубежного контроля передаются преподавателями в деканаты соответствующих факультетов и заведующим кафедрами. Вместе с результатами рубежного контроля преподаватели передают в деканаты и на

кафедры сведения о посещаемости студентами учебных занятий и, при необходимости, другую дополнительную информацию и предложения.

Деканаты факультетов и кафедры по результатам анализа итогов рубежного контроля осуществляют корректировку и управление учебным процессом. Без систематического рубежного контроля, без обратной связи, без сведений о том, какой и почему получен фактический результат, без последующей коррекции ошибочных действий всех участников учебного процесса обучение становится слепым, неуправляемым, а точнее, просто перестает быть обучением [4].

Промежуточная аттестация по политологии в соответствии с утвержденными рабочими программами может проводиться в виде как экзамена, так и зачета [5]. Сдача экзамена (зачета) по политологии является заключительным этапом изучения всей дисциплины и имеет целью проверку знаний студентов по политической теории, по уровню усвоения учебного материала практических и семинарских занятий, а также навыков самостоятельной работы с учебной и научной литературой.

По положению ОГУ о промежуточной аттестации экзамены и зачеты по усмотрению кафедры могут проводиться как в устной, так и в письменной форме [5].

По политологии экзамены и зачеты, как правило, проводятся в традиционной устной форме по билетам. У этой формы есть свои минусы: необходимость непосредственного общения с преподавателем, случайный выбор экзаменационного билета, необходимость развернуто формулировать свои мысли в устной речи, необходимость быстро реагировать и отвечать на неожиданные дополнительные вопросы преподавателя. В этом может содержаться определенная трудность для некоторых обучающихся.

В качестве альтернативы устному экзамену (зачету) можно предложить написание итогового эссе. Эссе – это прозаическое сочинение-рассуждение небольшого объема со свободной композицией. Жанр критики и публицистики, свободная трактовка какой-либо проблемы. Эссе выражает индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу. Как правило, эссе предполагает субъективное мнение по предложенной проблеме [6].

Студенческое эссе – это по объему небольшой, но довольно трудный вид творческой работы. Эссе представляет собой свободное рассуждение студента на заданную тему. Эссе в отличие от реферата не имеет введения и заключения, списка использованных источников, т. к. эссе – это отображение студентом своего собственного мнения по определенной проблеме. Цель эссе состоит в развитии навыков самостоятельного творческого мышления и письменного изложения собственных мыслей. Для студентов написание эссе является нужным и полезным занятием, поскольку это позволяет научиться формулировать мысли четко и грамотно, структурировать информацию, использовать основные категории анализа, выделять причинно-следственные связи, иллюстрировать понятия соответствующими примерами, аргументировать свои выводы; овладеть научным стилем речи.

Темы эссе отличаются злободневностью, актуальностью и носят аналитический характер (например, «Особенности российской (или любой другой) политической культуры», «Проблемы и противоречия политической модернизации в Латинской Америке» (Корея, Восточной и Центральной Европе, России, странах СНГ и проч.), «Взаимоотношения режима и оппозиции» (на примере любой страны) и др.). В качестве варианта написания эссе можно предложить сравнительный анализ двух-трех государств, избрав в качестве программы исследования тематику курса (политическая система, политический режим, политические институты, политические процессы, политическая культура и проч.) [7].

Эссе должно содержать: четкое изложение сути поставленной проблемы, включать самостоятельно проведенный анализ этой проблемы, выводы, обобщающие авторскую позицию по поставленной проблеме. Каждое эссе – это индивидуальная творческая работа, однако, использование четких критериев позволит «измерить» качество представленной работы и объективно ее оценить.

Например, критериями оценки могут быть [6]:

– знание и понимание теоретического материала	– 20 баллов;
– анализ и оценка информации	– 40 баллов;
– построение суждений	– 30 баллов;
– оформление работы	– 10 баллов.

Конечно, в первую очередь в любом эссе ценится умелая аргументация и согласованность изложенного материала, поэтому по этим критериям студент получает наибольшее количество баллов. При желании критерием оценки может быть и устная защита выполненной работы.

Объективность оценки письменной работы более высокая по сравнению с устным ответом, так как на нее не влияет ситуационная ситуация. Кроме того, студенты, не согласные с оценкой их письменной экзаменационной работы, в течение двух дней после объявления оценки могут подать апелляцию заведующему кафедрой, за которой закреплена данная дисциплина [5].

Общеизвестно, что основным источником информации для современных студентов является Интернет, который нередко студенты используют для бездумного скачивания, поэтому преподаватель должен сформулировать темы эссе таким образом, чтобы ни в учебнике, ни в лекциях по политологии не содержался прямой ответ, а Интернет мог быть только источником информации, а не прямого заимствования.

Таким образом, подводя итог по всем формам контроля оценки знаний студентов можно сказать, что использование в учебном процессе разнообразных контрольно-измерительных материалов дает возможность преподавателю объективно оценить учебную деятельность студента, своевременно корректировать методику проведения учебных занятий, выбирать форму обучения, а студенту, видя количественные результаты труда, активизировать свою учебную деятельность.

Список использованной литературы

- 1 **Усманов Ш.Н.** Информатика и дидактика [Электронный ресурс] / Ш.Н. Усманов. – 2008. – Режим доступа: <http://informatik.pedsovet.su>. – 17.12.2010.
- 2 **Устав ОГУ (Редакция 2010 г.)** [Электронный ресурс] / Оренбургский государственный университет. – Оренбург: ОГУ, 2010. – Режим доступа: <http://www.osu.ru/doc/467>. – 24.12.2010.
- 3 **Зелетдинова Э.А.** Учебное пособие по подготовке и проведению семинарских занятий / Э.А. Зелетдинова. – Астрахань: Изд-во АГТУ, 2006. – С. 6.
- 4 **Положение о системе рубежного контроля знаний студентов** [Электронный ресурс] / Оренбургский государственный университет. – Оренбург: ОГУ, 2010. – Режим доступа: <http://www.osu.ru/doc/1361>. – 24.12.2010.
- 5 **Положение о промежуточной аттестации студентов (Утв. реш. Ученого совета от 29.12.2009 г.)** [Электронный ресурс] / Оренбургский государственный университет. – Оренбург: ОГУ, 2010. – Режим доступа: <http://www.osu.ru/doc/2433>. – 24.12.2010.
- 6 **Методические рекомендации по написанию эссе.** Государственный Университет Высшая Школа Экономики Санкт-Петербургский филиал. – СПб., 2005.
- 7 **Ильинская С.Г.** Программа курса «политология: введение в специальность» [Электронный ресурс] / С.Г. Ильинская. – Режим доступа: http://iph.ras.ru/uplfile/histpol/programm/Ilinska_Politology.doc. – 13.12.2010.

КОМПЕТЕНТНОСТНО - ОРИЕНТИРОВАННОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ ПОЛИТОЛОГИИ В СООТВЕТСТВИИ С ФГОС ВПО

Барбошина Н.В.

**Бузулукский гуманитарно-технологический институт (филиал)
ГОУ ВПО ОГУ, г. Бузулук**

Образование – должно лучше удовлетворять потребностям людей сотрудничать и реализовать себя в жизни. Для реализации этого принципа в основу реформ образования был заложен компетентностный подход.

Компетенции в профессиональном образовании рассматриваются как главные целевые установки в реализации ФГОС ВПО, как интегрирующие модели выпускника. Сама компетентностная модель выпускника, с одной стороны, охватывает квалификацию его будущей деятельности с предметами и объектами труда, с другой стороны, отражает междисциплинарные требования к результату образования. Компетенции подразделяются на две группы: общекультурные, (универсальные, надпредметные) и профессиональные (предметно-специфические, предметно-специализированные).

Перечень ключевых образовательных компетенций определяется на основе главных целей общего образования, структурного представления социального опыта и опыта личности, а также основных видов деятельности ученика, позволяющих ему овладевать социальным опытом, получать навыки жизни и практической деятельности в современном обществе.

Универсальные компетенции являются переносимыми и менее жестко привязанными к объекту и предмету труда. Проходят сквозной линией через все учебные предметы (образовательные области) и призваны объединить их в единое, целостное содержание. Так перечень универсальных компетенций, реализуемых в процессе преподавания политологии, может включать в себя следующие:

общенаучные компетенции:

- владение культурой мышления, способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей её достижения;
- умение логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь;
- умение использовать нормативные правовые документы в своей деятельности;
- использование основных положений и методов социальных, гуманитарных и экономических наук при решении профессиональных задач, способность анализировать социально-значимые проблемы и процессы;
- знание мировых исторических процессов, понимание причин и движущих сил исторических процессов;
- способность применять математические методы анализа к социальным, политическим и экономическим явлениям.

инструментальные компетенции:

- владение основными методами, способами и средствами получения,

хранения, переработки информации, навыками работы с компьютером как средством управления информацией;

- способность работать с информацией в глобальных компьютерных сетях.

социально-личностные и общекультурные компетенции:

- знание своих прав и обязанностей как гражданина своей страны; умение использовать Конституцию, Гражданский Кодекс, другие правовые документы в своей деятельности;

- готовность и стремление к совершенствованию и развитию общества на принципах гуманизма, свободы и демократии;

- знание культурных традиций, готовность толерантно воспринимать социальные и культурные различия;

- осознание социальной значимости своей будущей профессии, обладание высокой мотивацией к выполнению профессиональной деятельности;

- готовность к кооперации с коллегами, работе в коллективе;

- способность находить организационно-управленческие решения в нестандартных ситуациях и готовность нести за них ответственность;

- способность к социальному взаимодействию, сотрудничеству и разрешению конфликтов.

Предметно-специфические компетенции отражают профессиональную квалификацию. Они различаются для разных направлений подготовки / специальностей. Для политологии они могут быть определены следующим образом.

1. В научно-исследовательской деятельности:

- владение навыками научных исследований политических процессов и отношений, методами анализа и интерпретации представлений о политике, государстве и власти;

- владение методами сбора и первичной обработки политической информации, методами и методиками политического анализа и прогнозирования;

- способность к участию в исследовательском процессе, использованию методов современной политической науки и их применению в политологических исследованиях;

- владение методологией анализа современных политических доктрин и теорий;

- знание основных этапов и характеристик политической истории России и зарубежных стран, особенностей исторических традиций в политическом развитии, владение навыками политического анализа исторического прошлого;

- знание основных учений и концепций мировой и отечественной политической мысли;

- способность работать с оригинальными научными текстами и содержащимися в них смысловыми конструкциями;

– владение основными теоретико-методологическими подходами в политической компаративистике, знание современных школ и концепций в сравнительной политологии, способность осуществлять сравнительный анализ политических систем и институтов;

– понимание закономерностей политического поведения, понимание процессов формирования убеждений и мотивов поведения в политике, массовых политических настроений и личностных особенностей политиков;

– понимание основных закономерностей и тенденций мирового и российского политического процесса, понимание процессов глобализации и их влияния на современные международные отношения;

– понимание методов принятия и реализации политических решений, готовность осуществлять поддержку лицам, принимающим политические решения, способность применять политические технологии, владение навыками политического консалтинга.

2. В организационно-управленческой деятельности:

– способность к участию в организации управленческих процессов в органах власти, в аппарате политических партий и общественно-политических объединений, органах местного самоуправления;

– способность к участию в проведении политических кампаний, к использованию знаний об избирательных технологиях и других видах политической мобилизации;

– владение методиками социологического, политологического и политико-психологического анализа;

– способность рационально организовать и планировать деятельность в организации;

– способность к ведению деловой переписки.

3. В проектной деятельности:

– способность использовать знания о политической диагностике, участвовать в работе по описанию, прогнозированию проблемных ситуаций.

4. В аналитической деятельности:

– способность осуществлять отбор источников достоверной информации, верифицировать полученную информацию и обрабатывать ее;

– способность комплексной оценки проблемной ситуации или процесса.

От проектирования результатов образования, выраженных в форме компетенций, следует идти к проектированию объема, уровня, содержания теоретических и эмпирических знаний. Нельзя оторвать компетенции от содержания образования, равно как и не следует рассчитывать, что посредством только содержания образования можно обеспечить овладение компетенциями. Содержание курса политологии должно быть ориентировано на формирование у студентов системных знаний о политической сфере общественной жизни, что должно обеспечить умение самостоятельно анализировать политические явления и процессы, делать осознанный политический выбор, занимать активную жизненную позицию, а также помочь будущему специалисту в выработке собственного мировоззрения.

Список литературы

1. Байденко, В.И. *Компетенции в профессиональном образовании (к освоению компетентностного подхода)* // *Высшее образование в России*. № 11. 2004. – с. 17-22.
2. Зимняя, И.А. *Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования*// *Высшее образование сегодня*. - № 5. - 2003.- с. 22-27.
3. Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. *Политология: Учебник* М.: Юристъ, 2002. – 21 с.
4. *Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года: Приказ Министерства образования РФ от 11.02.2002 № 393*// *Учительская газета* 2002. - №31.
5. **Краевский, В.В.** *О культурологическом и компетентностном подходах к формированию содержания образования / Доклады 4-й Всероссийской дистанционной августовской педагогической конференции "Обновление российской школы" (26 августа - 10 сентября 2005 г.)*. – М, 2005. – с. 17-23.
6. Хуторской, А.В. *Ключевые компетенции и образовательные стандарты* // *Интернет-журнал "Эйдос"*. - 2006. - 23 апреля. <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm>.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Вагина Л. С.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Важной составной частью политической науки является методология, представляющая собой определенный способ видения и организации исследования. Она включает систему аналитических методов и приемов, проверок и оценок концептуального и идейного арсеналов, в совокупности составляющих общий подход к решению стоящих перед данной наукой проблем. Известный германский философ К. Ясперс считал, что всякая подлинная наука представляет собой знание о методах и границах этой науки. В целом, методология представляет собой комплекс правил и критериев интерпретации фактов, исследовательских планов, приемов сбора данных и т.д. Их разработка и внедрение стали частью процесса профессионализации и институционализации политической науки. Очевидно, что она тесно связана с теорией, которая в свою очередь является частью господствующей в данный период общественно-политической парадигмы.

Анализируя политическую реальность современного мира, редкий исследователь решится оставить без внимания вопросы, косвенно или непосредственно связанные с феноменом политических партий. Научный интерес к проблемам функционирования партий и партийных систем связан с тем, что политические партии были и остаются важнейшим политическим институтом. Проблемы политических партий могут служить своеобразным индикатором, позволяющим определить истинный характер процессов, происходящих в государстве и обществе. Партии являются вторым по важности после государства субъектом и центром сосредоточия политики. Они создаются для борьбы за власть и ее использования. Теоретическое осмысление политических партий имеет давнюю традицию, при этом интерес актуален до сих пор. И объясняется это тем, что политические партии это не статичные политические институты, а динамичные, постоянно развивающиеся общественно-государственные организации. Проблемы политических партий оказываются собирательным и концентрированным выражением особенностей реальных процессов и теоретически значимых политических явлений. Изучение политических партий является одним из важнейших направлений политической науки. Политология исследует и выявляет модельные закономерности возникновения и развития партий, динамику партийно-политических перегруппировок, механизм взаимодействия политических партий с органами государственной власти, основы внутреннего устройства политических партий и их парламентскую деятельность.

Партия и партийная система как социальный феномен является одним из объектов политической социологии, исследующей взаимоотношения между обществом и государством, между социальным строем и политическими институтами [1].

Данные об отношении к партиям, получаемые в этих исследованиях, связываются с другими данными – например, об уровне доверия к закону, о коррумпированности и так далее, что позволяет составить достаточно полную картину происходящих процессов в обществе. Примером таких долгосрочных исследований может служить часть исследований ведущих организаций: Всероссийского центра изучения общественного мнения, Фонда «Общественное мнение», на протяжении многих лет занимающихся исследованиями динамики партийной системы и развития демократических институтов в России.

Ведущую роль в разработке теории партий по-прежнему играет современная европейская политология (Я. Бадж, Ж. Шарло, М. Дюверже, М. Лейвер, П. Мэйр, А. Панебьянко, С. Роккан, Дж. Сартори, К. Стром). И это не случайно. Убедительное объяснение ведущей роли европейских ученых состоит в том, что политические партии старого света гораздо многочисленнее и многообразнее, чем, например, американские или российские [2].

Данный политический институт настолько многогранен, что исследователи политических партий практически всегда находят новые аспекты для его теоретического осмысления. О сложности данного политического института свидетельствует и количество разделов партологии, занимающейся изучением партий и партийных систем, и большое количество неудачных попыток до сегодняшнего дня создать идеальную универсальную теорию партий [3]. В результате любого исследования партий, «теоретические предположения должны способствовать стимулированию и структурированию эмпирических исследований и, в свою очередь, могли быть проверены, отклонены или модифицированы на базе выводов этого эмпирического исследования» [4].

Исследователи партий на протяжении всей их истории активно искали и ищут новые пути и направления, способствующие более адекватному пониманию явлений на основе их переосмысления с использованием последних теоретических достижений. Каждый период в развитии исследований партий характеризуется преобладанием какой-либо одной парадигмы с присущими ей представлениями, методами, концепциями. Можно выделить четыре периода развития методологии политической науки, три из которых применимы к процессу эволюции методологии политических партий: институциональный, бихевиоралистский, постбихевиоралистский [5].

Условным началом *институционального периода* истории теории партий можно считать 1902 г., когда вышла в свет «пионерская» работа М. Острогорского «Демократия и политические партии», а его «высшей точкой» и одновременно финалом – написанием М. Дюверже книги «Политические партии». Предложенные в работе Дюверже типологии партийных организаций и система переменных для их анализа, применяемая в сравнительных исследованиях, до сих пор пользуются популярностью. Методологической основой построения теоретических концепций этого периода стал исторический подход, основанный на индуктивном методе рассуждений. Главным его результатом стала типология политических партий,

состоявшая из их различных моделей, такие как «кадровая», «массовая», «орден», «политический клуб» и т.д. С помощью основанной на историческом подходе теории в этот период удалось достичь немалых успехов в осмыслении исторической динамики и типов формирования политических партий на протяжении XIX и первой половины XX вв., что послужило мощным стимулом для дальнейшего прогресса в исследовании партий [6]. Исторический подход благодаря высокому своему потенциалу стал впоследствии составной частью методологии «строительства теории», что отразилось в построении множества новых типологий и моделей. Исследования Острогорского, Михельса, Вебера, Дюверже и других авторов, выполненные в этот период, обеспечили базу для дальнейшего развития теорий на десятилетия вперед, заложив основы исследований партий как самостоятельной научной дисциплины. Поэтому основная роль этого периода состоит в том, что он задал вектор систематическому сравнительному анализу политических партий *периода «бихевиоралистической революции»*.

Бихевиоралистическая революция позволила осуществить большой шаг вперед в эмпирическом исследовании партий, сделав его систематическим и отвечающим высоким научным требованиям, без чего был бы невозможен прогресс в развитии теоретических представлений о партиях. Это удалось во многом благодаря тому, что представители политической науки получили возможность проверить свои допущения и гипотезы на обширном эмпирическом материале, которые были получены в ходе широкомасштабных сравнительных исследований. Методологической основой данного периода стал эмпирический подход, делавший акцент на эмпирических данных. Его «высшей точкой» стал запущенный в самом конце бихевиорального периода грандиозный проект Кеннета Джанды, завершившийся созданием эмпирической теории партий. Благодаря высокому потенциалу методологии, а также эффективной концептуальной модели, этот проект стал одним из наиболее масштабных за всю историю исследований партий. Значительная часть эмпирических сравнительных исследований по проблемам партийной организации вдохновляется работами М. Дюверже, который предложил такие понятия, как прямая или непрямая структура, базовые элементы, организационная артикуляция и централизация власти. Кроме того, применялся структурно-системный и ортодоксальный подход в познании сущности политических партий, пытавшиеся построить строгую и дедуктивную теорию партий (как часть теории политики в целом), но в обоих случаях эти попытки успехом не увенчались. Причина состояла в том, что оба подхода чересчур жестко следовали заданным схемам, предполагавшим универсальный характер, но на деле имеющим лишь ограниченную применимость. Первые представляли политическую партию как структурно-функциональный элемент стабильности политической системы, вторые – как рациональный способ объединения кандидатов, стремящихся к максимизации собственных интересов с помощью занятия правительственных должностей и с этой целью формулировать политику, чтобы выиграть выборы, а не выигрывать выборы, чтобы формулировать политику. Недостатки этих подходов вызвали необходимость

существенного пересмотра теоретических представлений о партиях и методологии их исследования в ходе «*постбихевиоралистического*» этапа. Преодоление недостатков бихевиорализма наряду с использованием его достоинств составил продуктивную линию развития исследований партий в 70-е – 80-е, что отразилось в повороте к «индуктивным» методам.

Символическим началом этого этапа стала выдвинутая в 1966 г. Отто Кирхаймером концепция трансформации западноевропейских партий в сторону так называемых «всеохватных партий» (catch-all parties). Тезис Кирхаймера стимулировал переосмысление сложившихся взглядов на политические партии как на массовые организации, представляющие интересы определенных общественных групп. Усилия исследователей стали направляться на поиск новых, более адекватных концепций и моделей партий, отражавших тенденции их трансформации [7].

Результаты этой работы проявились в главном теоретическом достижении «постбихевиоралистических» исследований партий – создании новой парадигмы под названием «изменение партий» (party change) Согласно парадигме «party change», в условиях постиндустриального общества политические партии сохраняют свою роль в качестве основополагающих институтов демократии, обеспечивая представительские функции. В своих работах исследователи акцентируют внимание на новых тенденциях, возникших в партиях западных демократий в связи с усилением их зависимости от государства и медиа-ресурсов, ослаблением связей с электоратом и использованием новых технологий политической деятельности. Сторонники «party change» признают процесс «изменения партий» адекватным изменению самого характера демократии. Одним из методологических направлений исследований в духе «party change» стала «мягкая версия» теории рационального выбора (soft rational choice), лишенная недостатков «ортодоксальной». В отличие от последней, «мягкая версия» в большей степени учитывает разнообразие в типах партий и их характеристиках, благодаря этому она облегчила сравнение партий, действующих в разных частях мира.

Основывались исследования в стиле «мягкого рационального выбора» на «систематическом эмпирическом анализе и стремились улучшить построение теории, принимая в расчет организационную сложность партий, различия в их целях (между ориентированными на «избирателей», «должности» или «политику») и взаимодействие между требованиями избирателей и характером предложений, высказываемых партиями. Соответственно, они рассматривают партии как эндогенные переменные (переменные, значения которых изменяются только внутри моделируемой системы и никак не связаны с изменениями во внешней среде), организационные, идеологические и институциональные характеристики которых обусловлены стратегиями, преследуемыми партийными лидерами (функционирующими как рациональные акторы) и различными контекстами политических систем, в рамках которых они действуют» [8].

О том, что потенциал «мягкой» версии теории рационального выбора для построения теории оказался более высоким, чем таковой у структурно-

системной парадигмы, свидетельствуют работы таких исследователей, как К. Стром, В. Мюллер, Стром Бадж и Кеман, Олдрич, Хаг и др. В то же время политологи отмечают недостаточную широту охвата исследований (в основном, западные демократии).

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что на протяжении всей истории существования партий политологами использовались и совмещались различные подходы исследования, что способствовало пониманию исторической перспективы перехода от моноцентрической модели политического господства и управления к плюралистической модели политической демократии, а также тех ловушек и дилемм реального политического процесса, которые объективно представлены в объективно заданной структуре возможных изменений и тенденций общественного развития, и что в результате многочисленных исследований пока не удалось создать единую методологическую базу политических партий. Исследователям партий не хватает какого-либо определенного и общепринятого фокуса. Отсутствие общепризнанной методологической основы затрудняет поиск консенсуса относительно методики исследования и его категориально-понятийного аппарата. Исследователи продолжают дискутировать о том, какой вид должна принять теория партий, какие методологические принципы, концептуальные основы и аналитический инструментарий должна иметь в своей основе и какой степенью широты охвата она должна обладать.

В заключении хотелось бы отметить, что методология и методика политических исследований – неизменный процесс. Постоянно эволюционирующий. Тот, кто пользуется самыми совершенными методами, во-первых, получает наиболее достоверную и полную информацию (а полнота и достоверность – ключевые характеристики результатов исследований), а во-вторых, оптимизирует затраты на исследования (что также очень важно, так как серьезные исследования стоят очень дорого). Преимущественно будут развиваться и эволюционировать в партологии следующие направления:

- исследования мотивации избирателей, причем мотивации не только голосования, но и участия в деятельности партии;
- создание информационных баз, позволяющих вести мониторинг политических настроений электората;
- сравнительное изучение электората, нацеленное, например, на изучение отличий мотивации при голосовании за кандидата и партию;
- целевое исследование симпатизантов и других групп, позволяющее получить даже индивидуальную характеристику потенциального активного сторонника партии, и на ее основе совершить отбор в кадровый резерв;
- моделирование поведения через Интернет и сотовые телефоны. Современные средства коммуникации по факту создали особую виртуальную среду, в которой действуют специфические механизмы коммуникации, формирования мнения и моделирования поведения. Требуется значительный объем исследований для того, чтобы в целом определить, каким образом

осуществлять влияние на электоральное поведение групп избирателей, активно пользующихся этими средствами.

Список литературы

1. **Липсет, С. М.** Политическая социология / С. М. Липсет // Американская социология. Проблемы. Перспективы. Методы. М.: Прогресс, 1972. – С.204.
2. **Джанда, К.** Сравнение политических партий: исследования и теория. [Электронный ресурс]: хрестоматия Современная сравнительная политология / К. Джанда. – М.: МОНФ, 1997. – Режим доступа: <http://pavroz.ru/dov/jandaparties.pdf>. – 10.12.2010.
3. **Трегубова, О.Г.** Эволюция немецкой школы партологии [Электронный ресурс]: автореф. дис. канд. пол. наук О. Г. Трегубова. – СПб., 2010. – Режим доступа: <http://www.spbu.ru/files/upload/disser/polit/2010/tregubova.pdf>. – 3.12.2010.
4. **Gunther, R.** The Literature on Political Parties [Электронный ресурс]: a Critical Reassessment / R. Gunther, J. R. Montero. – Barcelona: Institut de Ciencies Politiques I Socials, 2003. – Режим доступа: <http://www.recercat.net/bitstream/2072/1247/1/ICPS219.pdf>. – 30.11.2010.
5. Политический словарь. – Режим доступа: <http://www.politicbook.ru/bixeviorizm>. – 14.12.2010.
6. **Каринцев, О. И.** Проблема создания теории политических партий [Электронный ресурс]: история, современное состояние, перспективы. – Режим доступа: <http://www.strategy-spb.ru/partner/files/karincev.pdf>. – 13.12.2010.
7. **Каринцев, О. И.** Проблема создания теории политических партий [Электронный ресурс]: история, современное состояние, перспективы. – Режим доступа: <http://www.strategy-spb.ru/partner/files/karincev.pdf>. – 13.12.2010.
8. **Gunther, R.** The Literature on Political Parties [Электронный ресурс]: a Critical Reassessment / R. Gunther, J. R. Montero. – Barcelona: Institut de Ciencies Politiques I Socials, 2003. – Режим доступа: <http://www.recercat.net/bitstream/2072/1247/1/ICPS219.pdf>. – 30.11.2010.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИКИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

Вдовина А.А.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

В деле совершенствования методов самостоятельной работы студентов в высшей школе важное значение имеет учет особенностей вузовского обучения, обуславливающий необходимость перестройки сложившихся у выпускников школ стереотипов учебной подготовки и обучения их новым умениям и навыкам самостоятельной учебной работы.

Необходимо подчеркнуть, что высшая школа отличается от средней в первую очередь методикой самостоятельной учебной работы студентов. Практика показывает, что переход вчерашних школьников от урочной системы обучения к преимущественно самостоятельным занятиям часто осуществляется с большими осложнениями. Не все из студентов справляются с преодолением этих трудностей, многие не могут перестроить школьные формы учебной работы, и очень часто вузы вынуждены отчислять за академическую неуспеваемость далеко не самых слабых студентов. Дело в том, что многие из них просто не сумели правильно организовать свою самостоятельную работу, и не смогли понять, как нужно учиться в вузе. Недостаточная психологическая и практическая подготовленность бывших выпускников средней школы к вузовским формам и методам обучения приводит не только к их неуспеваемости. Неумение студентов перестроить методы самостоятельной работы в соответствии с новыми условиями обучения вызывает у них чувство апатии, неудовлетворенности и влечет за собой негативное отношение к учению в целом. «У некоторых студентов первого курса, — отмечает А.М.Колесова, — процесс адаптации к новым условиям, новым требованиям и выработка оптимальных моделей успешной учебной деятельности в вузе протекает очень медленно и болезненно и, таким образом, создаются условия для угасания выработанной в школе привычки ответственного отношения к учению [1, 48]. Кроме того, трудности приспособления к новым формам обучения значительно снижают умственную работоспособность студентов. «Психологическая неподготовленность к вузовским формам обучения, — пишет В. П. Кондратова, — может способствовать постепенному накоплению умственного, психологического утомления, что отрицательно сказывается на общем самочувствии студента, ослабляет его внимание, память, мышление, волю, без оптимального состояния, которых невозможна успешная учебная деятельность» [2, 17-18].

Затруднения, испытываемые студентами в связи с переходом на новые формы и методы учебной работы, в некоторой степени закономерны. Это можно объяснить, например, физиологическим учением о высшей нервной деятельности и, в частности, теорией динамического стереотипа. Так, академик И.П.Павлов указывал, что бесчисленное множество раздражителей, как

внешних, так и внутренних, поступающих в большие полушария головного мозга, вызывают определенные процессы, происходящие в разных пунктах коры. Процессы эти встречаются, взаимодействуют и должны, в конце концов, систематизироваться и уравновеситься. В результате вырабатывается так называемый динамический стереотип, т.е. сложная уравновешенная система внутренних процессов. С этой точки зрения, методы учебной работы, сложившиеся у студентов за годы их обучения в средней школе, можно рассматривать как определенный динамический стереотип, представляющий собой систему условных рефлексов, закрепленных в высшей нервной деятельности. Будучи сформированным, такой стереотип имеет исключительно важное значение для успеха самостоятельной работы в вузе. Вызывая автоматизацию приобретенных учебных навыков, он способствует наилучшему приспособлению организма к совершаемой работе, значительно облегчает ее и делает более продуктивной. Особенности выработки динамического стереотипа таковы, что сформировать нужную систему навыков гораздо легче, чем перестроить сложившуюся. В этих условиях установление нового динамического стереотипа требует, по словам академика И.П.Павлова, огромного нервного труда. Поступление выпускника средней школы в вуз и последующее его приспособление к новым методам обучения и является в значительной степени процессом не столько выработки новых, сколько перестройки уже сложившихся стереотипов учебной работы. Студентам необходимо коренным образом ломать создававшиеся в течение ряда лет привычки самостоятельной учебной работы и формировать новые. С изменением условий обучения сложившийся стереотип учебной работы, как уже отмечалось, не сразу поддается разрушению, и его перестройка требует значительных нервных усилий. Именно это и вызывает у многих студентов большие трудности, что осложняет проведение учебно-воспитательной работы по формированию у студентов рациональных умений и навыков самостоятельной работы.

Школьное обучение, безусловно, закладывает тот фундамент, на котором в дальнейшем строится вузовское обучение, и успех последнего в значительной степени зависит от того, какими знаниями и методами в области самостоятельной работы вооружила своих выпускников школа. «Ученик приобретает в школе ценные умения и навыки, – писала А.К.Маркова, – которые потом, после окончания школы, используются им в практической деятельности, облегчая ему самостоятельную работу по усвоению новых знаний и более продуктивному их применению в жизни» [3]. В этом смысле можно говорить о том, что многие из этих умений и навыков применимы и в условиях вузовского обучения, хотя и нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Естественно, что работа по вооружению студентов технологией самостоятельной работы должна строиться с учетом и на основе приобретенных в школе приемов и методов учебного труда, на что, в частности, указывается в некоторых работах по вузовской педагогике.

Однако всякий перенос ранее усвоенных учебных умений и навыков способствует более успешному овладению новыми стереотипами деятельности

лишь при условии, если между ними имеется определенное сходство. Вузовское же обучение имеет ряд существенных отличий по сравнению со школьным и во многом специфично по своей методике. Поэтому не все навыки учебной работы, которые усвоены в школе, применимы в системе вузовского обучения и требуют, как отмечает С.И.Зиновьев, коррекции и совершенствования. Более того, поскольку «высшая школа идет совершенно другими путями, чем средняя, и школьные методы не соответствуют задачам того широкого и разнообразного комплекса подготовки, который осуществляется в высшем учебном заведении» [4], то некоторые стереотипы учебной деятельности, выработанные в школе, не подходят к вузовскому обучению и в ряде случаев становятся для него помехой. Здесь проявляется известное в психологии явление интерференции, когда ранее усвоенные умения и навыки препятствуют успешному осуществлению последующей деятельности и требуют определенной перестройки.

Практика вузовского обучения показывает, что интерференция школьных стереотипов учебного труда особенно сильно сказывается тогда, когда со студентами не проводится специальная работа, направленная на осмысление ими особенностей вузовского обучения, и их внимание не акцентируется на необходимости овладения новыми методами самостоятельной работы. Вследствие этого студенты не осознают специфики обучения в новых условиях и продолжают пользоваться школьными методами. Это подтверждается результатами исследования самостоятельной работы студентов младших курсов. Они показывают, что в университете методика и приемы учебной работы по сравнению со школьными остаются неизменными у 56 % студентов 1-х – 3-х курсов. Это в основном среднеуспевающие студенты, которые успешно занимались в школе и достаточно серьезно относились к подготовке домашних заданий. Поскольку школьные методы организации самостоятельной работы давали хорошие результаты, то естественно, что этот стиль учебной работы остается у них преобладающим и в университете. Но успеваемость в вузе при этом заметно снижается. «Подготовка домашних заданий в университете у меня осталась такой же, как и в школе, только оценки я получаю более низкие», — отметила одна из студенток экономического факультета ОГУ. Так же высказывались и некоторые другие студенты, но не все могли объяснить причины снижения успеваемости. Некоторые респонденты отмечали, что в организации их самостоятельной работы в вузе произошли некоторые изменения. При этом 23 % из них откровенно признают, что в школе они работали систематически и значительно больше. Объясняют же данное обстоятельство тем, что школьная система обучения с ее методом домашних заданий, постоянным контролем и оценкой знаний делала самостоятельную работу обязательной.

И лишь у 21 % из общего количества опрошенных первокурсников отмечается определенное улучшение в организации их внеаудиторной работы. Учеба в университете вызывает у них глубокий интерес, поэтому занимаются они более усердно, чем в школе. Приведенные данные свидетельствуют о том, что многие студенты младших курсов не осознают специфики вузовского

обучения и, следовательно, не в состоянии самостоятельно разобраться, что следует изменить и усовершенствовать в усвоенном ими методе самостоятельной работы, а какие навыки учебного труда нужно приобрести. Перестройка сложившихся за годы школьного обучения стереотипов представляет значительные трудности не только с практической точки зрения. Еще сложнее преодолеть их в сознании студентов, поскольку многие из них считают, что учиться они умеют, а в вузе, по их мнению, никаких существенных изменений в организации учебного труда нет. Вот почему часть студентов скептически относится к необходимости осмысления психологических и педагогических особенностей самостоятельной работы в вузе.

Какие же стереотипы, сформированные в школе, затрудняют учение в вузе и нуждаются в существенной перестройке? Во-первых, эти трудности проявляются уже в процессе восприятия и осмысления студентами изучаемого материала. В школе основная работа по осмыслению новых знаний проходила на уроке под руководством учителя. Учитель предлагал те или иные логические операции и пути мыслительной деятельности, которые обеспечивали понимание и усвоение воспринимаемой информации. Существующая в школе установка на усвоение большей части материала на уроке обуславливает и многообразие методов изложения знаний, использование которых также облегчает процесс учения. В связи с этим домашняя работа учащихся сводится, главным образом, к повторению и заучиванию материала. Исследование этого вопроса показало, что лишь 27 % студентов владеют логическими операциями сопоставления, анализа, вычленения главного в изучаемом материале, систематизации и классификации фактов. Прорабатывая заданный на дом материал по учебнику, эти студенты особое внимание обращают на всестороннее продумывание фактов и примеров, а также научных определений, правил, выводов. У них постепенно выработалась привычка по всем теоретическим положениям приводить собственные примеры и факты. Активная аналитическая деятельность по осмыслению знаний способствует тому, что эти студенты свободно оперируют изучаемым материалом. Однако большинство студентов младших курсов слабо владеют логическими операциями по осмыслению изучаемого материала. Усвоение знаний сводится у них, в основном, к чтению заданного материала по учебнику или конспекту лекций. При этом студенты стремятся не столько понять материал, вникнуть в его суть и сделать собственные выводы, сколько запомнить его. Не случайно, что такие студенты не могут дать правильный ответ на вопрос, как надо осмысливать учебную информацию. По мнению некоторых из них, для осмысления изучаемого материала достаточно «прочитать его, обращая внимание на заучивание определений».

Несформированность у бывших выпускников средней школы многих важных приемов осмысления изучаемого материала, а иногда и привычка к механическому его запоминанию отрицательно сказываются на учебной деятельности в вузе, где они сталкиваются с принципиально новыми требованиями в этом отношении. Восприятие студентами научной информации

осуществляется во время лекций. Для глубокого усвоения лекционного материала студент одновременно должен уметь слушать, производить мыслительную обработку излагаемого, выделять и записывать главные вопросы. Однако выработанная в школе привычка проводить работу только под руководством учителя препятствует осмысленному восприятию новой информации. Более того, у многих студентов младших курсов создается впечатление, что главная их задача во время лекции заключается в том, чтобы законспектировать ее. По нашим данным, около 68 % студентов стремятся не столько к осмыслению, сколько к полумеханическому и дословному конспектированию. Они не утруждают себя обдумыванием наиболее сложных вопросов лекции, выделением ее основных смысловых положений, отделением второстепенного материала от главного. Поэтому в лучшем случае они усваивают отдельные положения и факты, но общего представления об излагаемой теме не получают. Лекционное время используется такими студентами малопродуктивно.

В этой связи, работа по обучению студентов, и особенно первокурсников, технологии учебной деятельности должна заключаться в раскрытии закономерностей и методических приемов восприятия и осмысления изучаемого материала. Необходимо, чтобы студенты осознали: овладение знаниями невозможно без активной мыслительной деятельности, без выработки самостоятельного подхода к их обстоятельному осмыслению.

Во-вторых, влияние стереотипов школьного учения в значительной мере проявляется и в организации учебной работы по повторению и закреплению лекционного материала. Как известно, система школьного обучения построена таким образом, что объяснение нового материала и его закрепление соединяются в одно целое самой структурой урока. После изложения учебного материала учитель, как правило, спрашивает учащихся и устанавливает, в какой мере они осмыслили и усвоили новую тему, а затем проводит специальную работу по ее закреплению. Обращение к материалу, изучаемому ранее, происходит и на последующих уроках, при этом «на каждом шагу усвоения знаний учитель создает условия для закрепления в памяти учащихся нового материала. В вузе же такая синхронность между сообщением новых знаний и их закреплением большей частью отсутствует. Более того, изложение нового материала во время лекции и его закрепление на практических или семинарских занятиях зачастую разделены длительным промежутком времени. Поэтому в высшей школе работа по осмыслению и усвоению теоретического материала, излагаемого в лекциях, должна в известной мере синхронизироваться с процессом самостоятельной внеаудиторной учебной работы и сопровождаться его глубоким осмыслением и самоконтролем. От того, насколько правильно организуется эта работа, во многом зависит глубина и прочность знаний студентов.

Между тем, привыкнув за годы школьного обучения к закреплению знаний на уроке под непосредственным руководством учителя, студенты не осознают необходимости систематической самостоятельной работы по усвоению изучаемого материала и не придают ей должного значения. К тому

же подавляющее большинство из них не знает основных психологических требований, предъявляемых к организации самостоятельной работы, что, естественно, влечет за собой целый ряд серьезных недочетов в их учебной работе.

В целом по характеру учебной работы над лекционным материалом студентов младших курсов можно условно разделить на три группы. К первой относятся те, которые правильно проводят работу по закреплению воспринятого во время лекции материала: в день прослушивания лекции они изучают и обрабатывают ее конспект. Прорабатывают они этот материал и накануне следующей лекции по данной дисциплине, при этом не только еще раз обращаются к изучению конспекта лекции, но и изучают соответствующие разделы учебника, а также дополнительную литературу по изучаемой теме. Подобным образом работают всего лишь 18 % студентов.

Вторая группа – 26 % студентов младших курсов – ограничивается однократным обращением к чтению конспекта с целью усвоения теоретического материала, излагавшегося в лекции. Делается это, как правило, не в день чтения лекции, а накануне следующих лекционных занятий. Однако многие первокурсники не делают даже и этого. Вот несколько наиболее характерных ответов студентов данной — третьей — группы на вопрос «Как вы работаете над материалом прослушанной сегодня лекции?»: «Лекцию не читаю до практических занятий», «К материалу лекции возвращаюсь лишь тогда, когда эту тему изучаем на практическом занятии», «Если завтра есть практическое или семинарское занятие по этому предмету, то изучаю конспект лекции. Если же нет — над материалом лекции не работаю».

Таким образом, подавляющее большинство студентов изучают лекционный материал только накануне практических или семинарских занятий. Такая система учебной работы ведет к поверхностному усвоению знаний, к нарушению логики изучаемого материала. Если учесть, что по некоторым темам лекционных курсов практические занятия не проводятся, то последующая работа по глубокому осмыслению и усвоению лекционного материала многими студентами вообще не осуществляется.

В-третьих, до присоединения к болонскому процессу специфика вузовского обучения во многом была обусловлена отсутствием систематического текущего контроля за качеством усвоения знаний. Тогда как в средней школе, как известно, контроль за учебной работой и усвоением изучаемого материала осуществляется на каждом уроке. Систематический текущий контроль во многом положительно сказывается на совершенствовании знаний учащихся, позволяет выявлять эффективность применяемых приемов умственного труда, а также регулировать процесс учения. Однако в ряде случаев поурочная оценка знаний учащихся не только не способствует их систематической работе над учебным материалом, а, напротив, делает ее эпизодической. Поэтому некоторые школьники тщательно готовятся только к тем урокам, на которых вероятнее всего их могут вызвать для опроса. К остальным же занятиям они или не готовятся вообще, или же ограничиваются

только выполнением практических заданий. В вузе, выпускники средней школы получают в этом отношении большую свободу действий.

Знания студентов основательно оцениваются эпизодически. Но, привыкнув за многие годы школьного обучения сверять свой ритм учебной работы с оценкой в дневнике, многие первокурсники психологически совсем не подготовлены к тому, что, хотя их знания будут оцениваться, таким образом, и им надо регулярно работать самостоятельно. К тому же происходит резкое изменение, а вернее разрушение, тех стереотипов отношений с преподавателями, которые годами складывались в средней школе. Там учителя по существу не скрывали своей ответственности за подготовку домашних заданий учащимися, за качество их успеваемости. В вузе же между преподавателями и студентами в той или иной мере существует определенная «дистанция», и студенты получают большую самостоятельность в организации своей работы. Чувствуя себя достаточно свободными от педагогического контроля, многие студенты подменяют регулярную работу по усвоению знаний эпизодическими, бессистемными занятиями, что ведет к отставанию. Пытаясь наверстать упущенное, они основательно прорабатывают изученный материал лишь накануне экзаменов. Однако допущенное отставание чаще всего уже невозможно наверстать, и поэтому, как отмечают многие студенты, они приходят на экзамены, не усвоив того материала, по которому им нужно отвечать. Такая система учебной работы, характерная для большинства студентов, не обеспечивает их должной научной подготовки. Восстановление угасающих сведений о предмете изучения «штурмовым» путем за два-три дня перед экзаменами является существенным недостатком учебной работы студентов. Учебная информация в этом случае берется как бы напрокат, на время экзаменов, и в знания студентов не переходит, она, как говорят, «сдается» экзаменатору.

В связи с резким увеличением объема подлежащей усвоению научной информации в вузе значительно возрастает роль и значение правильной регламентации самостоятельной учебной деятельности студентов. Однако, несмотря на то, что объем самостоятельной работы в вузе значительно возрастает, ее внешняя регламентация фактически отсутствует. Чтобы ритмично работать в течение семестра, студенту самому необходимо проявлять волевые усилия, четко планировать внеаудиторную учебную деятельность, правильно чередовать занятия по различным дисциплинам.

Переход на Болонскую систему давал весьма обнадеживающие результаты. На наш вопрос, планируют ли первокурсники процесс подготовки к занятиям, большинство из них ответило утвердительно. В ходе же более детального исследования выяснилось, что это планирование чаще всего носит формальный характер, и лишь немногие выполняют намеченные планы. Большинство же студентов жалуются на то, что составляемые ими планы самостоятельной работы не выполняются. Многие из них не только не планируют свой учебный труд, но и не видят в этом необходимости, ссылаясь на годы учебы в школе, когда они успевали все выучить и без планирования предстоящей учебной работы.

Таким образом, те недостатки, которые допускают первокурсники в планировании учебной работы, также в значительной степени обусловлены влиянием стереотипов школьного учения.

В-четвертых, исключительно важное значение для успешной работы в вузе имеет правильная организация самостоятельной работы студентов по расширению и углублению своих знаний, поскольку индивидуальный поиск знаний — это наиболее характерная черта работы студента вуза.

Суть вопроса в том, что учебные занятия в вузе, и в частности лекции, имеют по отношению к процессу усвоения знаний установочный, ориентирующий характер. Основная дидактическая цель лекции заключается не в том, чтобы сообщить весь объем научной информации, подлежащей усвоению, а в том, чтобы «создать у студентов ориентировочную основу для последующего усвоения учебной информации, то есть обеспечить восприятие ими учебного материала, его первичное осмысление и формирование начальных представлений об изучаемом предмете». Иными словами, лекция играет роль фактора, направляющего самостоятельную творческую деятельность студентов, и ее нельзя рассматривать в качестве основного источника знаний. Вот почему студентам нельзя ограничиваться изучением только конспектов лекций. Им необходимо самим активно приобретать знания самыми различными путями: работать с учебником, дополнительной литературой, научными первоисточниками и т. д. Именно в этом и заключается самообразование, т.е. самостоятельная подготовка студентов, идущая параллельно с учебным процессом, в органической связи с ним, в одних случаях по установленным программам и учебникам, в других — с отходом от них, с самостоятельным решением задач и привлечением дополнительного теоретического и практического материала.

Однако таких навыков будущие студенты в школе не получают. Изучаемая школьниками дополнительная литература состоит лишь из небольшого количества первоисточников. Этим и можно объяснить неумение большинства выпускников самостоятельно работать над углублением и расширением своих знаний. Так, 45 % из опрошенных нами студентов при подготовке к семинарским и практическим занятиям пользуются лишь конспектами лекций или учебником. Рекомендуемую дополнительную литературу они, как правило, не изучают, не умеют самостоятельно работать с книгой, затрудняются в правильном оформлении выписок, в составлении аннотаций и рефератов, в подготовке обзоров литературы по отдельным вопросам. Ряд серьезных недочетов допускают они и в методике конспектирования первоисточников, не умея выделять и фиксировать основные идеи и проблемы. Составленный ими конспект — это, как правило, выборочная запись отдельных, иногда логически не связанных между собой положений, которые порой не отражают главных мыслей работы. Попытки же некоторых студентов изложить прочитанный материал своими словами часто приводят к искажению его основного смысла.

Организация самостоятельной работы студентов должна находить отражение в процессе обучения их технологии самостоятельного приобретения

знаний. В него следует включать раскрытие психолого-педагогических основ и методики этой работы. В преодолении существующего противоречия между потребностью в самостоятельном приобретении и углублении знаний и уровнем сформированности необходимых для этого умений и навыков существенное значение имеет практическое обучение студентов приемам учебной работы с книгой.

Таким образом, важной стороной работы по овладению студентами научными основами самостоятельной учебной работы является преодоление стереотипов школьного обучения, затрудняющего во многом овладение знаниями в высшей школе. Решение этой проблемы зависит от осмысления не только студентами, но и преподавателями специфики методов вузовского обучения. И проведение специальной работы в этом направлении сегодня необходимая предпосылка совершенствования методики самостоятельной работы студентов.

Список литературы

1. **Колесова, А.М.** *О повышении студентами первого курса необходимости ответственного отношения к учению // Экспериментальная и прикладная психология.* – Л., 1977. – 70 с.

2. **Кондратова, В.П.** *Некоторые психологические показатели адаптации студента-первокурсника к условиям обучения в вузе // Вопросы вузовской педагогики, психологии и дидактики.* – Воронеж, 1982. – С. 117-118.

3. **Маркова, А.К.** *Личность учителя // Психология труда учителя* – М.: Просвещение, 1993 – С. 41-56.

4. **Зиновьев, С.И.** *Учебный процесс в высшей школе.* – М.: Педагогика, 1985. – С. 84-86.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Гоптарева И.Б.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Компаративистский метод в политической науке нередко называют методом соответствия, поскольку его использование способствует обнаружению зависимой переменной при сопоставлении одного-двух общих признаков и большого числа различающих признаков (черт, свойств) одного и того же политического феномена. В нашем случае речь пойдет о выявлении общих и особенных тенденций при сопоставлении различных типов политических федеральных систем.

Появление разнообразных федеральных систем (особенно после второй мировой войны) можно объяснить общей усиливающейся тенденцией к складыванию межгосударственных образований. В связи с этим, по мнению Д. Элазара, в начале девяностых годов происходит изменение парадигмы мироустройства: от идеала суверенного государства-нации, сложившегося в начале современной эпохи (XVIII в.), к увеличению государственных и межгосударственных союзов [1]. Фактически же, изменение парадигмы началось после второй мировой войны, когда мир раскололся на два враждебных лагеря, внутри которых активно складывались межгосударственные объединения: Варшавский Договор и НАТО, Совет экономической взаимопомощи и Европейский экономический совет и т.д. Распад социалистической системы усилил тенденцию к образованию различного рода (политических, экономических, военно-политических) союзов на всем постсоциалистическом пространстве, что и повлекло за собой почти одновременно изменение государственных структур десятков стран. Государственные системы на рубеже XX-XXI веков приобретают новое измерение: то, что прежде выступало как дополнение к системе, становится ее частью, звеном. Речь идет, в первую очередь, о политических институтах консоциативного характера (консенсус, переговоры, партнерство и т.п.), формирование и развитие которых продолжает набирать свой оборот в бывших недемократических системах, ориентирующихся ныне на демократические преобразования.

Тенденция роста федеральных систем в мире объясняется усиливающимися процессами, с одной стороны регионального структурирования пространства, с другой, - политико-территориальной интеграцией структурированного пространства, к признакам которых можно отнести: социальную и территориальную гетерогенность, высокую степень дифференциации структур принятия решений, самоуправление и т.д. Поскольку федерализм отвечает потребностям людей в сохранении своего консоциативного пространства (а не только территориального), а также – в формировании различных вариантов общественных связей с целью

мобилизации и использования общественных ресурсов, то на его основе возникают и существуют различные федеральные системы.

Р. Уоттс считает категорию «федеральная политическая система» родовым понятием, от которого производятся термины для обозначения большого количества разновидностей государственного устройства с элементами федерализма [2]. Это означает, что наличие некоторых элементов федеральной политической системы позволяет фактически относить такое государство к федеративному, даже в том случае, если юридически оно является унитарным (например, юридическое оформление отношений между Португалией и ее архипелагами – Азорским и Мадейрой свидетельствует о том, что конституции государств с политической системой, содержащей элементы федерализма, косвенно регулируют федеральные отношения, даже если это государство унитарное [3, 522].

Сравнительный анализ многосоставных государств, имеющих форму федерации или содержащих в своем устройстве элементы федерализма, позволяет вычленить его общие принципы и черты:

- уважение и соблюдение национальной конституции, нарушение которой должно оцениваться как вызов интегрированному целому;

- сотрудничество и партнерство между всеми субъектами многоуровневого управления;

- сохранение за национальным правительством приоритета в принятии решений, касающихся интересов государства в целом;

- гибкость федеральной политической системы, способной к изменениям, в противном случае трудно будет сохранить разнообразие форм управления;

- обеспечение равностатусной основы для всех субтерриторий единого государства, несмотря на их ресурсы и возможности, т.к. граждане, проживающие в нем, должны получать услуги равного качества. (Например, некоторые европейские федерации с целью выравнивания материальных, экономических, социальных и других условий создают национальные фонды солидарности);

- взаимообмен информацией: о вводимых новациях и инициативах в равной степени должны быть оповещены все составные части государства. Своевременный обмен информацией позволяет национальному и субнациональным правительствам делать более точный анализ своей политики и принимать адекватные решения. Односторонность и неожиданность во взаимоотношениях центра и регионов отрицательно сказываются на качестве объединения;

- прозрачность действий правительств, разъяснение ими мотиваций принятия решений, выработка конкретных мер, понятных для граждан всего интегрированного пространства (т.е. всего того, что будет способствовать легитимации власти как в центре, так и на местах);

- деление государства на территориальные единицы, имеющие в разных государствах различные названия (в Российской Федерации их наибольшее

количество – республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа; в ФРГ – земли; в США – штаты; в Швейцарии – кантоны и т.д.);

– деление исполнительной и законодательной власти на федеральную и субфедеральную (или региональную), причем последней предоставляется в значительной мере автономия, а имеющиеся ограничения предусматривают всего несколько сфер, чаще всего такие как правоохранительное законодательство и школьное образование (например, в ФРГ, Австрии, Швейцарии);

– представительство субъектов федерации в федеральном (или национальном) парламенте и их участие в формировании федеральной (национальной) политической воли, для чего в многосоставных государствах предусмотрена бикамеральная система (в РФ – Государственная Дума и Совет Федерации; в ФРГ – Бундестаг и Бундесрат; в США – палата представителей и Сенат и т.д.);

– решение/урегулирование конфликтов на основе принципа «торга» или «сделки» между центром и регионами и – защиты прав различного рода меньшинств, что часто требует квалифицированного кворума, для чего структуры представительной власти предусматривают согласительный институт (согласительные комитеты и/или комиссии);

– федеральный конституционный суд как главный третейский судья при возникновении споров между органами власти двух уровней — национальной и субнациональной [4, 140].

Несмотря на то, что в современном мире преобладает федеральная форма объединения государственных образований (федерации), тем не менее, существует еще два типа государств, с сильно выраженными элементами федерализма, но в «чистом виде» федерациями их назвать сложно. Речь идет о конфедерации и квази-федерации. Для начала сравним федерацию и конфедерацию.

Если говорить о «первенстве» появления той или другой, то окажется, что довольно длительный период (с VI по XVIII вв.) господствующим типом объединения государств были конфедерации (а не федерации), которых насчитывалось в те времена немало, и которые были крайне неустойчивы. Как отмечает Элазар, термин «конфедерализм» приобрел политическую окраску гораздо раньше, чем «федерализм», т.к. изначально он применялся для обозначения определенного типа государственного устройства. В отличие от конфедерализма термин «федерализм» вначале употреблялся только в теологическом значении (foedus -договор с богом) и значительно позднее – с XVII века – в политическом [5, 134].

Сегодня конфедерация представляет собой союз государств, создаваемый с целью формирования общего правительства для решения строго ограниченных общих задач (внешнеполитических, оборонных, безопасности). Но поскольку фактически политику в таком союзе определяют правительства членов-государств, а не общее правительство, то последнее скорее является инструментом власти, а не самой властью. Это говорит о том, что

конфедеративное правительство имеет более слабые позиции, чем правительства субъектов подобного союза.

На наш взгляд, строительство конфедераций в XX и XXI вв. затруднено именно по причине фактической полиархии: здесь вряд ли возможна эффективная политика согласования для принятия общих решений. Поэтому такой тип политической системы более приемлем для межгосударственных союзов, члены-участники которого объединяются для достижения конкретной цели (военных, экономических и т.п.) и выполнения конкретных функций.

Федерация в отличие от конфедерации предполагает сосредоточение важных политических функций (внешнеполитической, оборонной, фискальной, управление экономикой, образования, здравоохранения и т.д.) в руках федерального правительства, за счет чего и возможно сохранение интеграционной целостности государства. По большому счету, федерация отличается от конфедерации по степени участия различного рода сообществ (не только территориальных, но и культурных, религиозных, этнических и т.д.) в федеральной интеграции. Конфедерация представляет собой союз государств, означающий, что каждое государство, входящее в этот союз, передает часть полномочий центральному правительству непосредственно от самого себя, а граждане или народ принимает в этом не прямое, а косвенное участие. Таким образом, конфедерация создается на основе заключения соглашения между государствами.

Федерация в отличие от конфедерации это союз, прежде всего, народа, представленного различными сообществами, который делегирует право на власть центральному правительству через самоуправление. Таким образом, если основным актором конфедерации является политическая элита, то федерации – сообщества людей – народ. С точки зрения нормативной теории федерализма, именно так и должно быть. Но с позиций сравнительного подхода оказывается, что далеко не все федерации являются результатом творения народа. В тех случаях, когда потребность в создании федерации определяется необходимостью объединения ресурсов с целью предотвращения внешней (как правило, военной) или экономической угрозы, основным актором ее создания чаще всего выступает политическая элита. «Ахиллесовой пятой» таких федераций является недостаточная или ограниченная свобода общественных ассоциаций. Именно этот факт, т.е. уровень ассоциированности общества (высокий/низкий), влияет на (не)стабильность федеральной политической системы. Опыт создания и распада СССР, Югославии, Чехословакии и ряда других федераций (например, в Африке) показывает, что отсутствие или ограничение свободы ассоциаций ослабляет горизонтальные связи, и в момент политических кризисов центробежные тенденции часто берут верх над центростремительными.

Каждая из существующих в мире федераций представляет собой уникальную политическую конструкцию, на формирование которой влияют такие факторы, как: а) количество членов-участников союза, б) поли/моноэтничность, в) степень централизации или рассредоточения полномочий и функций, г) степень юрисдикционной асимметрии или

симметрии. Кроме того, любая федерация, являясь сложным государственным образованием, сталкивается с гораздо большим числом конфликтов и противоречий, чем другие политические системы. Можно выделить ряд факторов, способствующих возникновению такого рода противоречий.

Во-первых, число членов-участников федерации. Большое количество федерированных единиц (например, в РФ на начало ее создание – 89, на сегодняшний день – 83, в США – 50 и т.д.) приводит к тому, что их сила влияния на центральную власть значительно меньше, чем в федерациях с небольшим количеством субъектов, как например, в Бельгии (6), Австралии (6), Канаде (10) и т.д. Федерации, состоящие из малого числа субъектов (не более двух-трех) считаются наименее устойчивыми, т.к. в них сильно выражены биполярные тенденции (например, Чехословакия, ныне распавшаяся на два государства или Пакистан, в котором произошло сокращение федерированных единиц с четырех до двух). В некоторых федерациях с большим числом субъектов (в Индии на сегодняшний день – 36 федеративных единиц; в Нигерии – 36) правительство даже идет на изменение региональных границ с целью сокращения линий разделения, если они разграничивают общественные образования, имеющие сходные признаки (этнический, языковой, религиозный и т.д.).

Во-вторых, разница в материальных и природных ресурсах также может негативно сказываться на качестве объединения. Именно поэтому многие федерации вынуждены прибегать к политике финансового выравнивания, которая в свою очередь нередко порождает конфликтные ситуации в федеральном управлении.

В-третьих, конституционная защита прав меньшинств содержит в себе зачатки противоречий (как известно, федерация – это форма территориальной демократии). К устоявшимся формам такой защиты относят: а) изменение границ федерированных единиц с целью объединения гомогенных этнических и лингвистических групп (примерами могут служить создание кантона Юра в Швейцарии, изменение внутрорегиональных границ в Индии в 1956 и 2009 гг., разделение Нигерии на 36 штатов в 2003г. и т.д.), б) передача федеральному правительству под особую ответственность внутрорегиональные меньшинства с целью их защиты от возможных репрессий со стороны регионального большинства, а также использование федеральных органов конституционного контроля (как правило, в лице федерального конституционного суда) [2].

В-четвертых, межправительственные отношения, предполагающие принятия решений и действия параллельных органов управления неизменно сопровождаются накладками и напряженной взаимозависимостью в процессе сотрудничества и координации взаимных действий.

Встречающиеся не так часто многосоставные государственные образования в виде квази-федерации (государство-гибрид), представляют собой государство, в котором могут сочетаться элементы федеративного устройства различных моделей. Квази-федерация по своей конституционной структуре является федерацией, но в ее управлении присутствуют признаки унитарной системы (например, широкие полномочия федеральной власти). Индия,

Пакистан, Малайзия по своему юридическому основанию – квази-федерации, поскольку их конституции предусматривают ряд положений о введении прямого федерального управления. Кстати, нередко Канаду также относят к квази-федерации, которая до 1867 г. была федерацией, но «Акт о союзе Канады, Новой Шотландии и Нью-Брансуика, об их управлении и связанных с этим предметами» изменил форму федерации на гибридную, внося ограничения для федерированных государств (провинций). Однако с середины пятидесятых годов провинции Канады значительно расширили свои полномочия, что позволяет относить Канаду к числу наиболее децентрализованных федераций, как в политическом, так и в экономическом отношениях.

Квази-федерация может быть представлена и в другой форме, отличающейся сочетанием некоторых признаков федерации и конфедерации, например, Европейский Союз после Маастрихтского договора. В принципе ЕС можно отнести к конфедерации, но нельзя не отметить присутствие некоторых признаков федерации (Европарламент, Европравительство, Европейский суд). Р. Уоттс к квази-федерациям относит и ФРГ, объясняя это тем, что способ формирования Бундесрата (верхней палаты) и его специфические полномочия дают основания для утверждения о наличии компонента конфедерации (как известно, Бундесрат не является представительным органом, т.к. он формируется из назначаемых и отзываемых членами их правительств, однако его участие как в национальном законодательном процессе, так и в делах Европарламента, делает этот орган полноценной частью германского парламента). Появление гибридных федераций Уоттс объясняет действиями политиков, которые вносят изменения в устройство государства больше из конъюнктурных или прагматических соображений, а не из стремления сохранения «чистоты теории» [2]. Результаты таких устремлений не всегда оправданны, и могут быть и губительны для федерации.

Разнообразие федеральных политических систем можно представить в виде теоретического конструкта трех основных моделей федерализма.

Модель «пирамида» предполагает иерархизацию взаимоотношений между частями союза: Центр – регионы, Центр – регионы – местное самоуправление, регионы – местное самоуправление. Причиной складывания такой модели федерализма является возникшая (или растущая) потребность в объединении ресурсов с целью предотвращения какой-либо угрозы. Как правило, такие союзы создаются в направлении «сверху–вниз» [6, 513]. Эта модель предполагает установление господства или доминирования той части, которая находится на вершине пирамиды, т.е. центра. В этом случае интеграция носит принудительный характер.

Модель «периферия-центр» строится по принципу равностатусности субъектов союза по отношению друг к другу при одновременном доминировании центра, в этом случае на центр равностатусность не распространяется. Образование таких моделей вызвано преимущественно историческими причинами. В качестве примера можно привести немецкий федерализм, в котором сочетается традиция территориального плюрализма,

восходящая ко времени Священной Римской империи, с формой централизованного управления, характерной для Германии и поныне.

Модель «*федеральная матрица*» является идеальной, по мнению Элазара, т.к. в ней ограничена вертикальная соподчиненность, нет понятия «федеральный центр» в смысле главной или основной инстанции принятия решений, а есть понятие «места (или «точки»)» принятия решений или иначе – многоцентрие принятия решений [7,37]. Уровни власти располагаются здесь не в иерархическом порядке («выше», «ниже»), а одновременно по вертикали и горизонтали, объединенные четырьмя основными сферами: законодательной, исполнительной, судебной и административной. Таким образом, в каждом звене федеральной системы (субъекты, регионы, муниципии) власть осуществляется равным образом, как по вертикали (законодательные и исполнительные органы власти), так и по горизонтали (судебные и административные органы власти).

Матричная модель федерализма представлена в виде множества центров, которые связаны друг с другом множеством линий: субъекты союза – друг с другом посредством центра (через законодательную и исполнительную власти), законодательные органы власти связаны между собой на всех уровнях (федеральный законодательный орган – законодательные органы регионов – законодательная власть на местном уровне), законодательные органы власти с исполнительными органами власти на всех уровнях, исполнительные органы власти с исполнительными органами власти на всех уровнях. Такая модель ближе всего к первоначальному значению федерализма: единый союз разнообразных субъектов при условии их не только формального, но и фактического равенства.

Список литературы

1. **Elazar, D.J.** *Federal Systems on the World: A Handbook of Federal, Confederal and Autonomy Arrangements. Introduction.* [Электронный ресурс]: [Elazar Papers Index / JCPA Home Page / Top of Page](#). Harlow, UK, 1991. – Режим доступа: <http://www.jcpa.org/dje/books/fedsysworld-intro.htm>. – 24.11.2009.

2. **Watts, R.L.** 1998(3). *Federal System and Accommodation of Distinct Groups: A Comparative Survey of Institutional Arrangements for Aboriginal Peoples* [Электронный ресурс]: *Institute of Intergovernmental Relations Queen's University Kingston, Ontario. Working Papers 1998(3) © 1998 IIGR, Queen's University.* – Режим доступа: <http://www.queensu.ca/iigr/working/watts/WATTSAboriginal.pdf>. – 12.12.2010.

3. *Конституции государств Европейского союза.* М.: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – 816 с. – ISBN 5-89123-1239.

4. **Schultze, R.-O.** *Foederalismus.- Dieter Nohlen (Hrsg.): Woerterbuch Staat und Politik, Bonn, 1991*

5. **Elazar, D.J.** *Three Federal-type Solutions in Dealing wiht Multi-ethnicity: Confederal Exsamplex.* – C. Lloyd Brown-John, ed. -*Federal-types Solutions and the federal Experience.* - University Press of America, 1995.

6. **Riker, W.H.** *Federalism: Origin, Operation, Significance.* - Boston: Little-Brown, 1964. - 572 pp.

7. **Elazar, D.J.** *Exploring Federalism.* Tuscalosa: University of Alabama Press, 1987. - 352 pp.

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ КАК ОДИН ИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ

Максимова О. Н.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Культурное многообразие России – это сложный и динамичный феномен, который является одним из оснований стабильного развития общества и не может игнорироваться системой управления. Признавая значимость культурного многообразия, крайне важно способствовать выработке конструктивного и толерантного отношения российского общества к этой стороне социальной жизни людей, коллективов и организации эффективной государственной политики в этой области. Одним из механизмов в осуществлении обозначенных задач является экспертное обеспечение через систему мониторинговых исследований, которые могут осуществляться как на уровне мировых сообществ, так и на уровне отдельных государств и местных сообществ.

Мониторинг – один из наиболее эффективных методов повторного социологического исследования, представляющего собой целостную систему отслеживания происходящих в обществе или в его отдельных структурах и общностях (группах) изменений на основе изучения и анализа массовых представлений о них, осуществляемого через небольшие (квартал, год) промежутки времени.

Наиболее важными этапами, организации и проведения мониторинга являются следующие: определение целей и задач мониторинга; определение состава информации, которая может и должна быть получена в результате мониторинга для достижения поставленных целей; составление плана и программы работ в рамках проведения мониторинга; разработка инструкций по сбору данных сетью мониторинга и доведение её до членов сети; организация сбора данных; организация обработки данных, собранных сетью мониторинга; анализ и интерпретация данных; написание отчета о результатах мониторинга; презентация и публикация отчёта в виде доклада и кратких его изложений в средствах массовой информации и сети Интернет.

Определение целей и задач мониторинга является обязательным, иначе сбор данных будет несистематичным, и результаты мониторинга не будут репрезентативными, валидными и надёжными.

Наилучшим вариантом сбора данных в ходе мониторинга является сбор информации сетью наблюдателей. Для каждого конкретного мониторинга разрабатываются планы, графики, программы и методики его проведения. Для анализа и интерпретации данных, собранных в ходе проведения мониторинга разрабатываются отдельные методики, адаптированные к объектам мониторинга и ситуации, в которой они действуют. Такая разработка обеспечивает дополнительные гарантии адекватности данных мониторинга поставленным его организаторами целям.

Общепринятыми и практически обязательными требованиями к любому мониторингу для признания его результатов достаточно объективными и заслуживающими доверия являются следующие: репрезентативность или представительность мониторинга, которая достигается таким выбором объектов мониторинга, который позволяет обеспечить получение данных обо всех значимых для его организаторов вариантах; надёжность мониторинга, то есть устойчивость результатов мониторинга, возможность получения тех же самых или очень близких результатов при повторении мониторинга. В надёжность включается и возможность проверки результатов мониторинга другими организациями и получение ими тех же самых или очень близких результатов в ходе аналогичных мониторингов; валидность мониторинга, обоснованность методик и результатов мониторинга, правильность и точность, как собранной информации, так и его выводов. Валидность как характеристика качества методик, данных и результатов мониторинга включает также возможность распространения выявленных по результатам мониторинга закономерностей на объекты, не входившие в состав объектов мониторинга. Все эти требования к мониторингу взаимосвязаны и взаимозависимы, и должны соблюдаться в системе. Но каждое из них имеет свою специфику, препятствующую обычно достижению высоких показателей по каждому требованию одновременно. В частности, стремление к высокой репрезентативности может препятствовать глубокому изучению специфики тех или иных объектов, т.е. обеспечению валидности, научной обоснованности результатов. В некоторых случаях стремление к достижению высокой надёжности может препятствовать проявлению творчества коллектива, проводящего мониторинг. А стандартные схемы проведения мониторинга не всегда оказываются адекватными его объектам, каждый из которых имеет свою специфику. При разработке методик и интерпретаций результатов мониторинга рекомендуется творческий подход, а также строгое следование методикам и инструкциям в процессе сбора данных мониторинга. Разработка методик и инструкций проводится на основе современного научного знания, с использованием достижений социологии, психологии, теории государственного управления и т.п. В этом случае обычно достигается оптимальное сочетание надёжности и валидности мониторинга.

В рамках мониторинга проводятся систематические конкретно социологические исследования, например, ежемесячные или ежеквартальные экспресс опросы по актуальным социальным проблемам. Мониторинг позволяет как собирать, так и систематизировать, хранить, производить анализ получаемых данных, а также выдавать их по запросу в требуемой форме. В практике социологических исследований существует несколько видов мониторинга.

Динамический мониторинг, при котором в качестве основы для экспертизы служат данные о динамике развития того или иного объекта, явления или показателя. Это самый простой способ, который может служить аналогом экспериментального плана временных серий. Для относительно простых систем, локального мониторинга (цен, доходов населения и пр.) этого подхода может оказаться достаточно. В данном случае, на первом месте в целях

мониторинга стоит предупреждение о возможной опасности, а выяснение причин носят вторичный характер, в силу того, что причины достаточно прозрачны.

Конкурентный мониторинг, при котором в качестве основания для экспертизы выбираются результаты идентичного обследования других систем. В данном случае, мониторинг становится аналогом плана с множественными сериями испытаний. Изучение двух или нескольких подсистем проводится параллельно, одним инструментарием, в одно и тоже время, что дает основание делать вывод о величине эффекта на той или иной подсистеме. Кроме этого такой подход дает возможность оценить величину опасности и ее критичность.

Сравнительный мониторинг, при использовании которого в качестве основания для экспертизы, выбираются результаты идентичного обследования одной или двух систем более высокого уровня. Такой случай носит специфический для мониторинга характер, и не рассматривается при планировании экспериментов. Он заключается в том, что данные по системе сравниваются с результатами, полученными для системы более высокого уровня.

Комплексный мониторинг, при котором используется несколько оснований для экспертизы. В этом случае мониторинг вырождается в исследование по плану единичного случая, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Применительно к социальным системам, можно выделить три вида мониторинга в зависимости от его целей.

Информационный мониторинг предполагает структуризацию, накопление и распространение информации. Не предусматривает специально организованного изучения.

Базовый (фоновый) мониторинг направлен на выявление новых проблем и опасностей до того, как они станут осознаваемы на уровне управления. За объектом мониторинга организуется слежение с помощью периодического измерения показателей (индикаторов), которые достаточно полно его определяют.

Проблемный мониторинг предполагает выяснение закономерностей, процессов, опасностей, тех проблем, которые известны и насущны с точки зрения управления.

Использование того или иного вида мониторинга определяется в зависимости от целей и задач исследования, но не является взаимоисключающим, поскольку в процессе проведения исследования допускается сочетание нескольких методов, используемых в профессиональном социологическом анализе определённой ситуации, к примеру, этнополитической.

Сложные процессы, происходящие в этнической и конфессиональной сферах в постсоветское время актуализировали необходимость изучения этнополитических проблем с помощью методов мониторинга.

С этой целью в 1993 г. на базе [Института этнологии и антропологии](#) Российской академии наук создана независимая экспертная организация Сеть

этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, целью деятельности которой является мониторинг этнополитической ситуации в Российской Федерации и других постсоветских государствах. Опыт и информация, полученные экспертами Сети, активно используются в практической деятельности органами государственной власти по стабилизации этнополитической обстановки.

Под ранним предупреждением конфликтов, по мнению руководителя Сети этнологического мониторинга профессора В. А. Тишкова, понимается основанная на локально-компаративном анализе способность оценивать социально-культурную и политическую ситуацию в многоэтнических странах, регионах и местных сообществах с целью определения существующей или потенциальной угрозы конфронтации и способность донести соответствующую оценку для возможного принятия превентивных мер со стороны общества и государства [1].

Основными целями проекта являются следующие:

- - аналитические и прикладные исследования в области этничности, национализма и этнических конфликтов;
- - создание в постсоветских государствах сети специалистов, прошедших подготовку и способных возглавлять учебные программы, участвовать в работе по примирению интересов на местном уровне и создавать центры по урегулированию этнических конфликтов;
- - разработка программ по обеспечению конструктивной роли средств массовой информации в этнических конфликтах в бывшем СССР и др. [2]

Основными направлениями деятельности Сети являются: взаимодействие посредством электронной коммуникации ведущих специалистов в целях производства и обмена аналитической информацией; основанный на местной и национальной экспертизе регулярный анализ этнополитической ситуации в форме сообщений, докладов и прикладных разработок; работа по модели этнологического мониторинга и раннего предупреждения; публикация бюллетеней, обзорных докладов и методических материалов; использование мирового опыта и современного знания о конфликтах через ежегодные семинары и другие международные контакты; обеспечение постоянных консультаций для специалистов по разработке систем урегулирования конфликтов, по процедурным вопросам переговоров в районах конфликтов, а также по вопросам подготовки и реализации программ в области национальной политики.

Первые годы сеть этнологического мониторинга была направлена на проведение тренингов в области конфликтологии, подготовке специалистов по осуществлению миротворческой деятельности и разрешению конфликтов. Авторы проекта исходили из представления, что сравнительный анализ конфликтных ситуаций и развитие обеспечивающей его информационной сети являются важными элементами этнополитологической экспертизы, призванной обеспечить взвешенные и сбалансированные решения в области разрешения конфликтов. В сентябре 1994 г. в Голицыне (Подмосковье) был организован первый семинар Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения

конфликтов, получивший название в английской аббревиатуре EAWARN как сокращение от двух слов «раннее предупреждение». Первая в своем роде сеть научного мониторинга, объединившая около четырех десятков экспертов из регионов России и ряда постсоветских государств, зарекомендовала себя как ответственная и эффективная общественная служба. В рамках Сети определились методы анализа, появился опыт взаимных консультаций участников по вопросам раннего распознавания кризисов в сфере этнических отношений. В течение ряда лет работы Сеть достигла широкой известности в странах СНГ и Балтии и среди специалистов во многих странах мира как первый в бывшем СССР независимый и эффективно действующий мониторинг в области изучения и урегулирования межэтнических отношений и конфликтов. Все участники Сети имеют равный статус экспертов и свободу определять приоритеты собственных исследований.

Этнологический мониторинг функционирует как постоянный диалог. На базе сообщений экспертов формируются Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, Ежегодные доклады «Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах», а также банк данных «Этничность и конфликты в постсоветских государствах». Издания EAWARN распространяются методом адресной рассылки в заинтересованные учреждения. Среди постоянных адресатов - Администрация Президента РФ, Совет Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания РФ, министерства и ведомства РФ, научно-исследовательские институты и центры РАН, неправительственные организации и исследовательские центры, посольства и представительства государств СНГ, стран Балтии и республик в составе РФ. Материалы, присланные экспертами (как опубликованные в бюллетенях, так и не опубликованные), помещаются в специализированный банк данных Сети мониторинга. Созданный в 1993 г., Банк постоянно обновляется и пополняется не только информационно-аналитическими материалами экспертов сети, но и сообщениями информационных агентств, публикациями сотрудников Института этнологии и антропологии РАН на соответствующие темы.

Для России действующие факторы конфликтности подразделяются на два типа: источники действительно конфликтных ситуаций и стимуляторы напряжённости. Наиболее конфликтными являются сферы межгрупповых взаимоотношений (разделение на «своих» и «чужих»), сферы демографии и миграции. Усиливают напряжённость и такие явления, как недостаточно внимательное отношение властей к состоянию культуры, образования, информации [3].

Именно в рамках EAWARN этнологический мониторинг практически впервые на постсоветском пространстве был принят в качестве основного социологического метода исследования этнополитической напряжённости. Изучение этнополитической напряжённости осуществляется по 7 тематическим блокам (среда и ресурсы; демография и миграция; власть, государство и политика; экономика и социальная сфера; культура, образование, информация; контакты и стереотипы; внешние условия), разбитых, в свою очередь, на 46

более мелких показателей, отражающих практически весь спектр этнополитических трансформаций в том или ином регионе. Система индикаторов, разработанная в рамках EAWARN, сегодня применяется многими организациями, осуществляющими мониторинговые исследования.

В 1998 г. Швейцарским Фондом Мира инициирован международный проект FAST, в качестве основной задачи, которого обозначено улучшение информированности политических акторов и повышение возможностей для своевременной выработки комплексных мер по предотвращению вооруженных конфликтов, снижению масштабов их последствий или развитию мирных инициатив посредством выявления кризисных тенденций и конфликтов на ранних этапах развития. Проект реализуется в странах Африки (Ангола, Бурунди, Демократическая Республика Конго, Мадагаскар, Мозамбик, Руанда, Сомали, Эритрея, Эфиопия), в Азии (Афганистан, Индия, Казахстан, Кыргызстан, Непал, Пакистан, Узбекистан), Европы (Албания, Босния и Герцеговина, Косово, Македония, Сербия-Черногория) и на Ближнем Востоке (Палестинская Автономия). В России данные исследования проводятся на территории некоторых южных субъектов РФ: в Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях, Чеченской и Карачаево-Черкесской республиках.

Одним из основных методов деятельности FAST выступает количественный анализ (анализ событий), который осуществляется на основе ежедневного мониторинга событий и последующей автоматизированной обработки данных. Применяемая методика была разработана в рамках Программы ненасильственных санкций и культурного выживания (PONSACS) Гарвардского университета (США) в 1998 г. Ее суть заключается в следующем: все важные события, имеющие отношение к эскалации или деэскалации конфликта, ранжируются по «шкале конфликтности», и каждому событию присваивается определенное числовое значение в соответствии с этой шкалой. Полученные данные используются для вычисления различных индикаторов напряженности и отображения на графиках динамики их изменения [4].

Задачами проектов по раннему предупреждению конфликтов являются следующие: дальнейшее пополнение и развитие базы данных по развитию этнических отношений и конфликтам в постсоветских государствах; экспертный анализ конфликтов на основе локального знания; сравнительный анализ результатов исследований этнических конфликтов и критическая оценка используемых понятийного аппарата и терминологии; распространение результатов и выводов, полученных в ходе мониторинга посредством публикаций и других методов; участие в разработке и создании глобальной сети раннего предупреждения конфликтов; информирование политиков, общественности и специалистов об опыте регулирования межэтнических отношений [5].

В последние годы в предмет мониторинга культурно сложных сообществ России и других стран включены новые приоритеты, связанные с ролью религиозного фактора и угрозой международного терроризма. Религия и верования являются столь же значимой культурной характеристикой людей,

как и этничность. Эти две субстанции связаны между собой и часто на основе религиозных различий формируются этнические идентичности (представления об отдельном народе) среди людей, обладающих одинаковыми языковыми и другими характеристиками. Религиозные различия по линии мировых религий лежали в основе образования многих государств, и этот фактор до сих пор сохраняет свою значимость.

Этноконфессиональный мониторинг предполагает регулярный анализ религиозных практик, способность оценивать социально-культурную и политическую ситуацию в многоэтнических странах, регионах и местных сообществах с целью сохранения и развития этнокультурного многообразия и определения существующей или потенциальной угрозы конфликта, а также способность донести соответствующую оценку для принятия превентивных мер со стороны общества и государства.

Аналогичная Сеть функционирует в Приволжском федеральном округе. В октябре 2000 г. представительством Президента РФ и руководством Сети этнологического мониторинга была заключена договорённость о создании и осуществлении системы этнорелигиозного мониторинга и раннего предупреждения конфликтов на территории Приволжского федерального округа [6]. В сети работают 30 экспертов из 15 регионов округа, 2 раза в месяц издаются бюллетени по этноконфессиональным отношениям в округе. За год Сетью издается около 60 бюллетеней с оценкой экспертов по различным аспектам предконфликтных ситуаций в регионах, а также описания позитивных факторов, способствующих стабилизации обстановки в регионах.

Значение сети этнологического, этноконфессионального мониторинга и раннего предупреждения конфликтов огромно, многолетний опыт работы сети позволяет на основе анкетирования экспертов по системе индикаторов выстраивать описательные модели, отражающие многообразие этнополитической ситуации, что способствует эффективному управлению в сфере межэтнических отношений. Проведение мониторинговых исследований в процессе изучения этнополитической напряжённости способствует адекватному пониманию природы культурного многообразия, включая этническое и религиозное; выработке конструктивного отношения общества к данной стороне социальной жизни людей и коллективов; эффективной государственной политике в области управления культурным многообразием.

Список литературы

1. **Тишков, В. А.** *Этнология и политика : ст. 1989 - 2004 годов / В. А. Тишков; Рос. акад. наук, ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2005. – С. 134.*
2. **Тишков, В. А.** *Сеть этнологического мониторинга десять лет спустя / В. А. Тишков // Этнопанорама. – 2003. – №1-2. – С. 3.*
3. **Степанов, В. В.** *Мониторинг уровня конфликтности в России по данным EAWARN / В. В. Степанов // Этнопанорама. – 2003. – №1-2. – С. 9.*

4. **Перен, Ж.** Борьба против расистских проявлений и предотвращение межэтнических конфликтов во Франции: материалы XI Ежегодного семинара Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2-8 октября 2004 г., Ренн / под ред. Е. И. Филипповой и Р. Ле Коадика. – М., 2005. – С. 53.

5. **Тишков, В. А.** Кризис понимания России / В. А. Тишков. – М.: НПО «Модеко», 2006. – С. 18.

6. **Амелин, В. В.** Конфликты через призму местных сообществ: научно-публицистические очерки. – 2-е изд., испр. и доп. / В. В. Амелин. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2010. – С. 4.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – ОСНОВА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Манохина С. Ю.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Как известно, европейские университеты (в том числе, и российские) были исходным пунктом демократического движения в начале прошлого столетия, что явно служило свидетельством того, что они стали не только местом обучения и образования, но и – осуществления политического образования и воспитания наций.

Политика – это сфера жизни взрослого мира, и в процессе политического образования речь должна идти как раз о подготовке входа молодых людей в этот взрослый мир. При всем том, кажется, рациональным открытое политическое образование у детей и молодых людей. Способность понимания политической действительности, социального поведения и степень реалистичности – все это дает молодому поколению возможность органично ощущать себя в политическом социуме. Для постоянного развития, для постоянного познания мира, общество вооружает подрастающие поколения способами добывания новых знаний. Общество передает и свое отношение к имеющимся знаниям, к самому процессу познания окружающего мира и к миру в целом. Именно поэтому потребность в политическом образовании молодого поколения растет с каждым годом.

Так же, как и у политологии, центральной точкой политического образования является «политика». Поэтому политические процессы могут ориентироваться на следующее понятие основных вопросов политики: экономические, социальные, правовые, культурные и исторические феномены, процессы и структуры, а так же на отношение с социально-ориентированными дисциплинами (в частности, социологию, а также экономику, историю и юриспруденцию).

Политическое образование уделяет, как правило, внимание трем измерениям политического устройства общества, а именно формальному (законодательному - polity), содержательному (судебному - policy) и процессуальному (исполнительному - politics) измерениям [1]. Эти понятия примерно соответствуют форме политики, ее содержанию и политическому процессу.

Polity означает политическую организацию того или иного общества, государства в широком смысле этого слова, включает совокупность граждан страны, весь механизм осуществления власти. Иными словами, это политический строй, политический порядок в единстве составляющих его институтов и норм. В современном государстве это выражается, прежде всего, в Конституции, которая признана как форма организации и регулирует отношения между государственными органами. Политическое устройство связано с конкретными понятиями, такими как верховенство закона, разделение властей, гарантии свобод и гражданских прав.

Policy, в узком значении этого слова, характеризует содержание, образ действий власти, правительства, технологию принятия политических решений. policy-исследование, как одно из направлений политической науки, стремится выяснить, как, почему и с каким эффектом политические инстанции принимают обязательные для всех решения по распределению дефицитных ценностей и благ, какие социальные последствия и реакцию вызывают эти решения. В широком значении понятие «policy» относится не только к действиям центральной власти, но и к способу поведения, принятия решений других политических акторов: партий, профсоюзов и т.д.

Politics – это политика, рассматриваемая с точки зрения возникновения и разрешения в ней конфликтов. politics-анализ занимается субъектами, претендующими на власть или стремящимися повлиять на политические решения: партиями, общественными организациями, средствами массовой информации (СМИ), заинтересованными группами и т.д., а также конфликтующими интересами, идеологиями, целями и ценностями, насильственными и мирными способами разрешения конфликтов. Политический анализ относится к регулированию общественных дел в рамках административно-территориальной единицы.

Политика как действие имеет свой источник в polity и policy. Политический порядок, правила и институты исторически исходят из политических действий, однако они становятся длительными и прочными, а так же передаваемыми из поколения в поколение. К. Роэ отмечает, что политика осуществляется через policy с помощью politics на основе polity [2].

На специфические вопросы, «что?», «почему?», «как?» «при каких условиях осуществляется обучение и научение?» отвечает политическая дидактика. Политическая дидактика ориентирована на понимание человека как субъекта, который согласно своему мировоззрению и действиям, хочет содействовать политическому развитию. В центре стоят, при этом, компетентность, дееспособность, а так же определенные методические способности. Минимальной целью является разучивание гражданской роли, которая требует поведение в обществе согласно правилам. Это задача основного образования в форме политического обучения грамоте. Однако, например, такую политическую ценность как толерантность нельзя изучать как изолированный предмет. Учащиеся должны учиться понимать любую предлагаемую ценность посредством практических занятий, позволяющих усваивать права и обязанности, условия и способы их ограничения.

После внедрения политической дидактики в процесс как школьного, так и вузовского образования, например, в Германии в течение нескольких лет преподавания политологии не испытывало большого количества разногласий, благодаря обозначенным изменениям в пределах поставленных целей и дидактических принципов.

Начало спора о «за» и «против» нового политического образования связывают с публикациями известных немецких политологов Г. Химмельманна и В. Бойтеля, занимающими противоположные позиции. Так, Г. Химмельманн рассматривал демократическое воспитание как жизненную, общественную и

господствующую форму жизни. В. Бойтель же считал важнейшими не столько отвлеченные принципы и нормы, сколько опыт, практику научения демократии («Опытная демократия. Как политика практически может учить», 2001). Несмотря на разногласия, оба исходят из того, что «политика» как таковая, есть демократия, требующая контроль над управлением (правительственными решениями). По сути, здесь речь идет о формировании практически-релевантного демократического образа мыслей. Такой подход к образованию основывается на англосаксонской традиции «civic education» (гражданского образования) и возникает в контексте проекта Европейского совета "Education for Democratic Citizenship" (образование демократической гражданственности) в Германии [3]. При этом, большое внимание уделяется методике образования: на первом месте стоят различного рода демократически-образовательные проекты. Основным условием демократического образования называют расширение прежних канонов политического образования, что неоднозначно оценивается немецким обществом.

Самые важные пункты программы демократического учения или демократической педагогики представлены в схеме 1, которая показывает краткое противопоставление обеих позиций.

Схема 1 [4].

	Политическое образование	↔	Демократическое воспитание
	Политическое воспитание		Социальное воспитание
Цель	ответственный гражданин (знание, понимание, проницательность)		практические компетенции демократии, (терпимость, ответственность и т.д.)
Относится к...	Политологии		Школьному образованию, гражданскому образованию
Основа	Политика как основа политического образования		Демократия как образ жизни
	Гражданское образование в качестве общей концепции, в рамках демократии обучения	↔	Демократия обучения в качестве всеобъемлющей концепции, в рамках политического образования

Демократия как образ жизни относится, без сомнения, к главной задаче всего процесса обучения, начиная со школьной скамьи. В политической дидактике главным является не приобретение практической компетенции, а понимание природы политического и всего того, что с ней связано уже в 21-ом веке. Это рассматривается как основа становление у молодого гражданина демократической компетенции, так как без политического образования общественно-гражданская компетенция остается слепой, без участия в

гражданском обществе политическое образование остается бескровным [5]. В этом случае политическая дисциплина и познание природы демократии взаимно дополняют друг друга.

Демократическая компетенция делится на познавательную, практическую и постоянную компетенции. Познавательная компетенция описывает способность учащихся понимать структуры и процессы демократии, что дает возможность анализировать политические проблемы. Практическая компетенция описывает способности студентов, заставляя их искать средства и пути влияния на решение проблемы. Здесь предполагается участие познавательной компетенции. Она дает знания о политической и административной компетенции и знание о политических законных аспектах принятия решений. Обе эти компетенции способствуют развитию постоянной компетенции, которая характеризуется готовностью студентов, на основе добросовестных и ответственных суждений действовать с точки зрения их интересов, при этом принимая во внимание их ответственность за социальную и политическую картину.

Хотя целевые направления политической дидактики и демократическое учение несколько расходятся (политическая дидактика занимается объяснением политики в междисциплинарных областях), но демократическое учение пытается содействовать демократическому (политическому) участию на микроуровне (школа, соседство, община, университет).

Демократическое воспитание должно поддерживаться уже испытанными практическими работами, такими, как например, учреждение студенческих парламентов, ролевые игры, показывающих, как функционируют демократические учреждения, студенческие газеты, помогающих усваивать способы разрешения конфликтов. Поскольку демократическое воспитание и демократическое понимание не ограничиваются временем формального образования, то так же важно, чтобы семьи, члены разного рода общин также подключались к этому процессу.

Таблица 1. Варианты занятий [6]

Предметная область	Возможности
Выборы	Студенты проверяют, насколько эффективно может быть участие в выборах, изучают их результаты.
Безработица	Проводится анализ причин безработицы, а также проверяются ее экономические, социальные и политические последствия.
Выплаты пособий	Студенты должны знать основы социальных законов, существенные элементы системы социального обеспечения, и уметь акцентировать внимание на то, какое значение они имеют для безработных.
Глобализация	Разбираются взаимоотношения экономики и политики на международном уровне;

рассматриваются причины, которые ведут к глобализации.
--

Демократическое воспитание оперирует дефицитными понятиями о политике и демократии. Здесь возможен перенос демократической компетенции, приобретаемой опытным путем в малых обществах, на пограничную зону политики. Демократическое обучение ограничено эмпирикой и проектами. Немецкий политолог С. Шиле в своей работе «Обучение демократии» считает, что возникновение демократического опыта нуждается в познавательных усилиях, в аналитических услугах, в готовности к восприятию и пониманию информации, к ознакомлению между собственным жизненным миром и миром политики [7].

В политической дидактике далеко не все еще изучено и освоено, т.е. ее целью является полноценное и всестороннее участие в политике. В. Патцелт отмечает, что особенная сила демократических государств состоит именно в том, что они могут функционировать как демократия, если в политических процессах активно участвует не только большинство, но и меньшинство [8].

Важнейшей целью политической дидактики остается понимание политики в 21-ом веке и взаимодействие с политико-научными разработками, посвященными обсуждению политической дидактики. Политическое образование стремится вызвать интерес к политике и является предпосылкой для формирования будущих граждан. Оно стремится способствовать независимому политическому анализу и компетентности [9]. Для этого знание основ демократии также необходимо, например, для понимания таких политических процессов как разделение власти, выборы, участия политических партий в реализации власти, борьба за нее и т. д.

Для студентов всех направлений и специальностей политическое образование заключается в усвоении основных политико-культурных ценностей, в приобретении знаний о политической этике, морали, в участии в общественной жизни. К тому же, политическое образование помогает молодому специалисту лучше ориентироваться в сложных жизненных реалиях. Поэтому такое образование должно быть основным компонентом гражданского общества и действенной демократии.

Политическая дидактика опирается на политику как на исходный пункт. Здесь акцент делается на дидактически научной ориентации, на адекватный выбор решения первостепенных задач.

Что касается преобразований в области образования, то можно отметить три предполагаемых направления: простое, сложное, но реалистичное и усложненное, и все они требуют изменений в учебных программах [10].

Таблица 2. Варианты учебных программ

Простой	Сложный	Усложненный
Учебные программы остаются прежними; возможно внедрение новых дидактических	Пополнение учебных программ темами, предусматривающими	Изменение учебных программ полностью согласно принципам, целям и задачам.

принципов, обновления существующих реалиями государственной политики.	для тем	образцы политического пространства на всех уровнях.	анализа на всех
---	---------	---	-----------------

Образование должно предлагать каждому на протяжении всей жизни возможность играть активную роль в будущем формировании общества, поэтому у каждой системы образования есть определенное и имплицитное задание готовить каждого к этой общественной роли. В нашем сегодняшнем комплексном мире участие в общественной жизни значит больше чем просто изучение политологии. В самом деле, стабильность политической системы во многом зависит от политического образования и воспитания, процесс реализации которых в полной мере происходит во время обучения в университете. Поэтому можно считать исходным пунктом для политической дидактики взаимодействие национального и глобального политического воспитания и политического образования.

Список литературы

1. **Mende, Ja.** *Emanzipation in der politischen Bildung. Theorien, Konzepte, Möglichkeiten* / Ja. Mende, St. Müller. – Schwalbach/Ts.: Wochenschau-Verlag, 2009. – S. 384. – ISBN – 3-899-74512-4.
2. **Rohe, K.** *Politik. Begriffe und Wirklichkeiten.* / K. Rohe. – Schwalbach/Ts.: Stuttgart, Berlin, Köln, 1994. – P. 67.
3. *Das europaweite Projekt "Education for Democratic Citizenship" (EDC) des Europarats wurde 1997 ins Leben gerufen und erreichte 2005 mit dem "European Year of Citizenship through Education" einen Höhepunkt [Электронный ресурс]: Auf der EDC-Startseite des Europarat-Webs – Режим доступа: <http://www.coe.int>. – 10.12.2010.*
4. **Müller, R.** *Einordnung der Policy-Didaktik in die politikdidaktische Diskussion [Электронный ресурс]* / R. Müller. – Режим доступа: <http://www.online-dissertation.de/policy-didaktik/einordnung.htm>. – 10.12.2010.
5. **Schiele, S.** *Vorwort in: Gotthard Breit/ders. Demokratie-Lernen als Aufgabe der politischen Bildung* / S. Schiele. – Schwalbach/Ts.: Wochenschau-Verlag, 2002. – S. 8.
6. **Ackermann, P.** *Planungsfragen für den Politikunterricht. Politik unterrichten. Politikdidaktik kurzgefasst.* / P. Ackermann, G. Breit u.a. – Wochenschau Verlag, 2010/–S. 67. – ISBN 978-3-89974580-1.
7. **Breit, Gh.** *Demokratie braucht politische Bildung* / Gh. Breit, S. Schiele. – Schwalbach/Ts.: Wochenschau-Verlag, 2004. –S. 387. – ISBN – 3-899-74157-9.
8. **Patzelt, W. J.** *Demokratieerziehung oder politische Bildung? Eine Auseinandersetzung mit Peter Fauser; in: kursiv / W. J. Patzelt // Journal für politische Bildung. 2004. № 4. – S. 70.*

9. **Richter, D.** *Politische Bildung von Anfang an. Demokratie-lernen in der Grundschule* / D. Richter. – Schwalbach/Ts.: Wochenschau-Verlag: Auflage 1, 2007. – S 685. – ISBN 3-899-74358-x.

10. **Diendorfer, G.** *Demokratie-Bildung in Europa. Herausforderungen für Österreich. Bestandsaufnahme, Praxis, Perspektiven* / G. Diendorfer, S. Steininger. – Schwalbach/Ts. Wochenschau-Verlag, 2006. – S 176. – ISBN 3-89974247-8.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК КОНЦЕПТ ОБРАЗОВАНИЯ

Маслова И.А.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Исходя из определения политической системы как совокупности различных политических институтов, социально-политических общностей, взаимодействующих на основе единых норм и ценностей, осуществляющих власть, взаимоотношения между социальными группами и индивидами, необходимо отметить, что нормы и ценности, как составляющие политической системы, определяются интересами доминирующих в обществе социальных групп. В цивилизованном обществе политика осуществляется для людей и через людей. Какую значительную роль ни играли бы социальные группы, массовые общественные движения, политические партии, в конечном счете, ее главным субъектом выступает личность, ибо сами эти группы, движения, партии и другие общественные и политические организации состоят из реальных личностей и только через взаимодействие их интересов и воли определяется содержание и направленность политического процесса, всей политической жизни общества. Активное участие личности в политической жизни общества имеет многоплановое значение.

Во-первых, через такое участие создаются условия для более полного раскрытия человеческого потенциала, для его творческого самовыражения, что в свою очередь составляет необходимую предпосылку наиболее эффективного решения общественных задач.

Во-вторых, всеобщее развитие человека как субъекта политики является важным условием тесной связи политических институтов с гражданским обществом, контроля за деятельностью политико-управленческих структур со стороны народа, средством противодействия бюрократическим извращениям в деятельном аппарате управления, отделений функций управления от общества.

В-третьих, через развитие демократии общество удовлетворяет потребность своих членов участвовать в управлении делами государства.

Личность как субъект осознанной, целесообразной деятельности, выражающий и реализующий интересы политических сил в единстве с собственными интересами, интегрирующий их в единое целое является основным субъектом политики, поскольку все политические силы, субъекты суть человеческие образования. Субъектность личности в политике проистекает из ее способности, возможности и потребности участвовать в политической жизни общества и государства в соответствии со своими интересами. Но в отличие от других сфер общественной жизни, в которых личность может реализовать свои интересы абсолютно, в политике она осуществляет свои интересы как элемент каких-то общих, то есть политических интересов.

Личность в политике участвует в решении общих дел, что вызывает у нее ощущение причастности к человеческому роду, его институциональным образованиям. Через самостоятельную сознательную причастность к общему делу личность обретает способность осознать свою уникальность, значимость,

неповторимость, ответственность за свои поступки. Поэтому можно отметить, что участие личности в политике есть один из наиболее значимых видов ее деятельности. Высшей формой участия личности в политике является профессиональная политическая деятельность [1].

Еще в прошлом веке исследователи обосновали ряд теорий, раскрывающих формирование личности на основе взаимодействия различных факторов - физических качеств, определенной среды, индивидуального опыта и особенностей культурного наследия.

Человек не рождается политиком, как не рождается он ни личностью, ни, тем более, гражданином. Гражданственность как сложное личностное образование в структурном отношении состоит из ряда свойств, качеств и черт. Наиболее важные из них патриотизм, ориентация на гуманистическую идеологию, политическая, правовая и нравственная культура; достоинство, социальная справедливость и ответственность, готовность к труду, к социальному и профессиональному самоопределению, культура межнационального общения и другие. Личностью человек становится посредством воспитания, которое осуществляется через различные социальные институты: семью, образование и др. «Политическим» человек становится через процесс социализации, который осуществляется на протяжении всей жизни. Политологи выделяют четыре стадии политической социализации: 1) ранняя (от рождения до поступления в школу); 2) обучение (с момента поступления в школу до окончания очных форм обучения общего и профессионального обучения); 3) социальная зрелость; 4) завершение жизненного цикла (прекращения постоянной трудовой деятельности в рамках официальной организации) [2].

Политическая социализация — это процесс включения индивида в политическую систему посредством оснащения его опытом данной системы и возникшего на ее основе государства, закрепленном в политической культуре. То есть, это такой процесс взаимодействия индивида и политической системы, целью которого является адаптация индивида к данной системе, превращение его в личность гражданина [3].

Выделение теории социализации в самостоятельную область исследований произошло в середине XX в. и было подготовлено научными разработками философов, социологов, педагогов, с разных точек зрения рассматривавших процесс становления человека компетентным членом общества.

Социализация личности представляет собой сложный, многоплановый, противоречивый процесс взаимодействия индивида и общества.

В 50-60-е годы понятие «социализация» прочно вошло в обиход политологов. Оно стало широко использоваться в работах Г. Алмонда, С. Вербы, Р. Зигель, Д. Истона, Р. Гесса, П. Шарана, Г. Хаймена (в работе которого «Политическая социализация», вышедшей в 1959 г. и был введен этот термин). В 1969 г. Е. Даусон и К. Приуитт опубликовали книгу под тем же названием «Политическая социализация».

В политической науке понятие социализации исследуется главным образом в двух аспектах. Во-первых, с точки зрения теории политической социализации, которая описывает и объясняет, как происходит социализация индивидов в политической среде. Это специфическая область общей теории социализации. И, во-вторых, с точки зрения политической теории политической социализации, менее всего разработанной в политической науке. Ее предметом является изучение возможностей применения категорий общей теории социализации к анализу политических систем.

На всех стадиях политической социализации общество осуществляет воздействие на личность посредством институтов социализации. Институт социализации – это система специально созданных или естественно сложившихся учреждений и организаций, функционирование которых направлено на развитие индивидов, прежде всего путем образования и воспитания. Под институтами политической социализации принято понимать те элементы социальной структуры, которые призваны передавать индивиду образцы поведения, нормы, ценности. Эти институты включают как специально организованные механизмы целенаправленного воздействия на личность, так и стихийные, не поддающиеся общественному контролю (неформальные группы сверстников). К первичным относят семью, сверстников, неполитические ассоциации. Их влияние носит преимущественно имплицитный характер, ограничивается формированием базовых моделей политической идентификации. Внутренние отношения этих институтов отличаются высокой степенью персонализации и неструктурированностью, влияние их трудно поддается манипулированию и управлению. Вторичные институты политической социализации – школа, специализированные политические объединения, политические партии, значительные политические события, контакт с политическими деятелями, передача политического опыта другим и т.п. Именно через эти институты и организации осуществляет воздействие на процесс политической социализации государство.

Чрезвычайно важную роль на современном этапе приобретает система образования в политической сфере, где особое место занимает школа и высшие учебные заведения. В государственно организованном обществе подавляющее большинство таких учреждений и органов имеет правовой статус, хотя, в принципе, они могут быть как государственными, так и самодеятельными.

Система образования в качестве основного института социализации личности выступает с 6-7 лет до, примерно, 18-25 лет.

За это время люди достигают умственной зрелости, приобретают основные социальные качества, и в связи с этим признаются полностью дееспособными. Это подготовительная фаза жизненного пути. Поскольку основным видом предметной деятельности является учение, постольку индивид в процессе общеобразовательного и профессионального обучения, а также сопутствующего этому нравственного воспитания, выступает пока преимущественно в качестве созерцателя и меньше всего в качестве деятеля. И.А. Щеглов называет образовательные структуры «единственно положительно действующей агентурой социализации» [4].

Давно замечено, что чем выше уровень образования человека, тем более он политически ориентирован и, главное, предрасположен к демократическим ориентациям, установкам и поступкам. Образование расширяет кругозор человека, помогает ему понять необходимость терпимости, в значительной мере предохраняет от приверженности экстремизму, увеличивает способность человека делать рациональный выбор в период избирательной кампании. С.М. Липсет указывает, что «чем выше у человека образование, тем более вероятно, что он верит в демократические ценности и поддерживает демократическую практику» [5]. В. Кей выявил влияние уровня образования на политическую роль гражданина по четырем направлениям: у более образованных людей сильнее развито чувство обязанности участвовать в политической жизни; у более образованного гражданина сильнее чувство эффективности собственного политического участия, он считает, что может влиять на политический процесс и что ему открыт доступ к политической власти; чем выше образован гражданин, тем более он интересуется политикой и тем более он вовлечен в неё; образование определяет большую вероятность, что гражданин будет политически активен [6]. Г. Алмонд и С. Верба отметили, что личность, имеющая более высокий уровень образования, лучше сознает влияние правительства на индивида, политически более информирована, имеет свое мнение по более широкому кругу политических вопросов.

По мнению А.И. Щербинина, политическое образование может сыграть двойную роль. С одной стороны, оно способно послужить важнейшим механизмом поддержания целостности существующего политического мира, преодоления негативных экзогенных факторов и обуздания разрушительных схоластических тенденций. С другой, – оно само нередко становится катализатором разрушительных процессов [7].

На наш взгляд, противоречивость влияния образования на процесс политической социализации заключается с одной стороны, в возрастании его роли в реализации социальной преемственности поколений в условиях модернизации, а с другой, в росте рассогласования его усилий с другими факторами социализации – как стихийными (неблагоприятные социально-экономические условия), так и планомерными (влияние СМИ как средства сознательно организуемого воздействия).

Из-за недостаточной осведомленности в закономерностях развития психики молодого человека представителями различных институтов, неспособности предвидеть последствия их действий, наблюдается рассогласованности их социализирующей деятельности. В силу этого обстоятельства, система образования, выполняя возложенные на неё функции, должна отвечать сложившимся условиям. Однако следует иметь в виду, что система образования существует в институциональной системе общества, которая в целом подчинена государству.

На наш взгляд, образование, как ведущая социальная деятельность, участвует в порождении таких системных социальных и ментальных эффектов в жизни общества как формирование гражданской, этнокультурной и общечеловеческой идентичности; усвоение различных традиций, ценностей,

норм и установок поведения больших и малых социальных групп; приобретение репертуара личностных, социальных и профессиональных компетентностей, обеспечивающих индивидуализацию, социализацию и профессионализацию личности в мире людей и профессий; рост человеческого потенциала как важнейшего условия конкурентоспособности страны.

Истоки взглядов на образование как одну из ведущих социальных деятельностей, формообразующих историко-эволюционный процесс наряду с другими институтами социализации (семья, СМИ, религия) восходят к идеям научной школы культурно-деятельностной психологии Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия, а также к такому близкому по духу этой школе постмодернистскому направлению методологии как социальный конструкционизм. Наиболее ёмко парадигма социального конструкционизма представлена в работах П. Бергера, Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» и К. Джержена «Социальный конструкционизм: знание и практика».

А.Г. Асмолов отмечает, что риски недооценки социальных и ментальных эффектов системы образования отражают отношение общества к образованию, а собственно, и к результату образования как социальной деятельности. Далее он акцентирует внимание на рисках, проявляющихся в процессе социализации подрастающего поколения в современном обществе, и выделяет следующие:

- отсутствие четкой стратегии молодежной политики, поддержки детских, подростковых и юношеских общественных объединений, направленных на решение задач личностного самоопределения и формирования идентичности молодежи;

- кризис семьи как института социализации, находящий свое выражение в дезадаптации родительской семьи (неполная семья, конфликтная семья, семья с антисоциальной атмосферой), семейной дестабилизации и неэффективном выполнении семьей функции социализации и индивидуализации личности ребенка;

- рост социального сиротства;

- феномен детского нищенства;

- феномен ранней коммерциализации подростков, обуславливающий рост нарушений морального и нравственного развития подростков и вероятность взаимодействия с криминальными слоями общества;

- риск нарастания агрессивно-насильственного поведения подростков (деструктивные действия, нарушающие личностную и физическую безопасность людей и сохранность материальных и духовных ценностей);

- антисоциальное сексуальное поведение, ранняя наркотизация и совершаемые в связи с этим антисоциальные и противоправные действия;

- рост детской и подростковой преступности;- рост детей – жертв насилия;

- снижение возрастной границы раннего алкоголизма, распространение наркомании и токсикомании;

- личностная незрелость, включая моральную незрелость;

– неадекватные стратегии совладания подростков и молодежи с трудными жизненными ситуациями. Анализируя роль образования в процессе политической социализации, необходимо уточнить содержание самого понятия, которое имеет не однозначный характер.

А.Г. Асмолов приходит к выводу, что образование – это приоритетный канал воздействия на общество, прежде всего, для государства [8].

Образование – это сложный социальный феномен, анализ которого с точки зрения политической социализации предполагает его рассмотрение в трех аспектах:

- образование как политический институт;
- образование как процесс;
- образование как результат учебно-воспитательного процесса.

Процесс образования включает в себя три составляющие: обучение, воспитание, развитие. Процесс обучения направлен на интериоризацию учащимися знаний и опыта. Воспитание и развитие осуществляются опосредованно, при этом развитие рассматривается нами как внутреннее содержание воспитания и широком смысле слова. Обучение и воспитание – тесно взаимосвязанные стороны единого процесса образования. Таким образом, образование включено в социализацию индивида.

Образование как социально-политический институт – это не статичная конструкция, а жизненно востребованная динамичная система. Данная характеристика образования проявляется, во-первых, в её реформировании в соответствии с меняющимися условиями общественной жизни. При этом образование постоянно оказывает влияние на социализацию различных поколений молодежи в соответствии со спецификой различных эпох. Во-вторых, проявляется в том, что каждый человек, получающий образование последовательно проходит различные его ступени, формы и методы. В ходе этого диалектического процесса постоянно развиваются, изменяются его оценки, ценности и приоритеты.

Процесс политической социализации личности на уровне общеобразовательной школы достаточно противоречив. В России с многие структуры, обеспечивающие политическую социализацию личности, были упразднены в момент проведения демократических реформ. Не осталось детских организаций, которые бы смогли консолидировать молодежь, детские общественные организации не приобретают массовый характер. Следствием таких процессов стал вакуум в духовно-нравственном и патриотическом воспитании подрастающего поколения, который породил безнадзорность и беспризорность подростков, привел к росту преступности, наркомании среди молодежи. Все это заставляет переосмыслить возникшие проблемы. В последние годы в ряде регионов возрождается сеть учреждений дополнительного образования детей.

В Оренбургской области в 2010 году (по данным министерства образования Оренбургской области) насчитывается 127 многопрофильных и однопрофильных учреждений. Среди них крупные Дворцы, центры, секции, и т.п. Возрождается традиция скаутского движения.

Однако воссоздаваемая система социализации не имеет четко поставленной цели и мировоззренческой установки, нет разработанной идеальной модели личности нового типа. Хотя нужно отметить, что такие попытки предпринимаются. В 2006 году на коллегии министерства образования Оренбургской области была рассмотрена концепция «Воспитание юного Оренбуржца XXI века». В качестве основной цели образования - *воспитание жизнеспособной и конкурентоспособной личности через ее восхождение к собственной индивидуальности, мастерству и творчеству, культуре и духовности, толерантности и гражданственности, готовой к созидательной социально значимой деятельности*. Однако закона о дополнительном образовании в Оренбургской области нет, несмотря на востребованность данной системы со стороны общества.

Взаимосвязь института образования с различными сферами общества ведет к противоречию между ним как сформировавшимся институтом социализации и назревшими общественными потребностями. Однако в государственной программе «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006-2010 годы» главный акцент делается на работу общеобразовательных учреждений как интегрирующих центров совместной воспитательной деятельности [9].

Следует отметить, реформа образования в контексте модернизации осуществляется недостаточно последовательно. Новые ценности и нормы не могут сформироваться только посредством внедрения в образовательный процесс новых учебных пособий. Результат учебно-воспитательной деятельности во многом зависит от педагогов и учителей, которые в своем основном составе являются носителями советской политической культуры. Большинство учителей воспроизводят политические ориентации, полученные в детстве. Сегодня очень важно сформировать у подрастающего поколения навыки гражданской политической культуры, политическое поведение – это обучаемое поведение, его можно корректировать и очень существенно на основе формирования определенных ориентаций в рамках новой политической культуры. По мнению А.К. Брудного, А.И. Щетинской и др. большая роль в данном процессе принадлежит системе дополнительного образования детей.

Воспитательная система дополнительного образования детей на современном этапе предоставляет возможности для активного усвоения индивидом идеологических и политических ценностей, норм общества и формирования их в осмысленную социально-политическую установку, которая определяет позиции и поведение индивида в современной Российской политической системе. Политической социализации в системе дополнительного образования детей происходит через вхождение воспитанника в социальную среду, в систему социальных связей путем активизации социально-значимой деятельности, в результате которой происходит усвоение социального опыта и одновременно его активное воспроизводство через реализацию функций целеобразования, интериоризации, экстериоризации и активного взаимодействия. Этому в немалой степени способствуют технологии,

реализуемые в системе: социальное проектирование, интерактивное обучение, самоуправление и др.

Социализирующие возможности воспитательного пространства учреждения дополнительного образования детей определяются, с одной стороны, социально-экономическими параметрами жизни общества (государственный заказ, характер доминирующих общечеловеческих ценностей) и в целом демократическими принципами устройства жизни сообщества воспитанников, с другой – способностью педагогического коллектива создать действенные условия, необходимые для реализации обозначенных требований. Становится очевидным, что воспитать гражданина демократического государства невозможно в системе, сохранившей командно-административное управление и стиль организации процесса.

Доминирующим в аспекте политической социализации личности в воспитательном пространстве учреждения дополнительного образования детей является принцип гуманистической ориентации воспитания, обеспечивающий не только добровольный характер включения подростка в многогранную социально-политическую деятельность учреждения дополнительного образования детей на основе безусловной веры в его возможности, но и утверждающий у каждого воспитанника уверенность в своих силах, чувство самостоятельности и самодостаточности как важнейшие качества адекватно (успешно) социализируемой личности.

Исследования, проведенные группой ученых под руководством А.И. Щетинской, позволили сделать вывод, что для эффективности процесса социализации в воспитательном пространстве дополнительного образования детей необходим комплекс педагогических условий: создание скоординированной социальной среды, способствующей комфортному вхождению подростка в систему социальных отношений; актуализация мотивационной сферы подростка за счет наполнения социально-значимой деятельности личностным смыслом; обеспечение педагогического сопровождения социализации подростка в воспитательном пространстве учреждения дополнительного образования детей.

Анализ теории и практики, собственный опыт позволили сделать вывод о том, что в процессе политической социализации подростку необходимо вхождение в социальную среду, в систему социальных связей путем активизации социально-политической деятельности, в результате которой происходит усвоение социального, политического опыта и одновременно его активное воспроизводство через реализацию функций целеобразования, интериоризации, экстериоризации и активного взаимодействия.

Таким образом, для успешной политической социализации молодежи образование выступает важнейшим институтом. Реформирование системы образования необходимо осуществлять комплексно, затрагивающее все компоненты данной системы, все направления. Системе образования в новых условиях необходимы программы нового поколения, инновационные технологии, современная материально-техническая база, подготовленные педагогические кадры.

Нужно отметить, что в современной России перед системой образования стоит ряд проблем, от решения которых зависит характер и особенности политической социализации молодежи.

Политическая сфера оказывает обратное влияние на систему обучения, воспитания в плане структуры, содержания. Поэтому существует опасность усвоения интерпретации политического знания через призму идеологии преобладающей силы.

Специфика системы образования как института политической социализации заключается в том, что образование является механизмом адаптации политической системы к социальной среде, поддержания целостности и порядка в обществе за счет передачи норм, ценностей, образцов политического поведения.

Образование правильно и полезно может измениться под воздействием общественного сознания. Но общественное сознание нужно изменить, иначе оно будет не способно воссоздать те ориентиры, которые ему самому необходимы, а это возможно при условии развитого гражданского общества. Таким образом, вместе с изменением образования необходимо менять и само общество. Гражданина нужно «готовить» к жизнедеятельности в новом обществе, а значит прививать также те способности, которые необходимы для изменения этого общества. Да и само образование должно воспользоваться положительными сторонами информационной цивилизации, а так же быть готовым к новым изменениям общественных отношений.

Список литературы

1. *Политический словарь [Электронный ресурс]: Мир словарей* — коллекция словарей и энциклопедий, 2000 — Режим доступа: http://mirсловarei.com/content_pol/LICHNOST-V-POLITIKE-1199.html — 01.12.2010.

2. *Общая и прикладная политология: учебное пособие / под ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова; М.: МГСУ – М.: Изд-во «Союз», 1997. – 992 с.*

3. **Ольшанский, Д.** *Основы политической психологии [Электронный ресурс]: учебное пособие для вузов. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Olsch/4_2.php. – 01.12.2010.*

4. **Щеглов, И. А.** *Политическая социализация России / И. А. Щеглов // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 5. – С 281.*

5. **Lipset, S. M.** *Political Man: The Social Bases of Politics. Expanded edition / S. M. Lipset. – Baltimore, 1981. – P.40.*

6. **Key, V. O.** *Public Opinion and American Democracy / V. O. Key. – N.Y., 1961. – P.323-331.*

7. **Щербинин, А. И.** *Что же будет с Родиной и с нами? (Предвзятые заметки о российской политической науке и проблемах образования) / А. И. Щербинин // Полис. – 2003. – № 4. – С 171.*

8. **Асмолов, А. Г.** *Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути преодоления кризиса идентичности и построению*

гражданского общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.firo.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=403&Itemid=70. – 01.12.2010.

9. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006-2010 годы»: собр. Законодательства РФ. – 2005. – № 29. – СТ.3964.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Хамидуллин Н. Р.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Социальная политика – одно из основных направлений деятельности российского правительства в настоящее время. Многократные попытки решения социальных проблем, предпринимаемые властью на протяжении последних лет, сталкиваются с трудностями при реализации и не всегда приносят ожидаемых результатов.

Социальная политика затрагивает интересы населения, органов власти всех уровней (государственного, регионального и местного), промышленных предприятий, коммерческих структур и некоммерческих организаций, что определяет значимость этого направления. В тоже время определённый научный объём работ позволяет рассматривать социальную политику как модельную ситуацию, в которой отражается методология исследований социальной политики в современном обществе. С данной позицией нельзя не согласиться, т. к. в современной России происходят сложные процессы, которые качественно изменяют содержание и механизм функционирования политических институтов и прежде всего институтов власти. Благодаря этому, изучение социальной политики является одной из основных проблем политической науки, определяет её идентичность и специфику по сравнению с другими общественными дисциплинами.

Что значит социальная политика в современном понимании? В широком смысле, социальная политика – это не столько система мер и мероприятий, сколько система взаимоотношений и взаимодействия социальных групп, социальных слоёв общества, в центре которой их главная конечная цель – человек, его благосостояние, социальная защита и социальное развитие, жизнеобеспечение, а также социальная безопасность населения в целом. В прикладном, практическом смысле под социальной политикой обычно понимают совокупность (систему) конкретных мер и мероприятий, принимаемых и проводимых её субъектами и направленных на повышение уровня жизни населения [1]. Поэтому целью социальной политики является улучшение качества жизни населения и снижение уровня социального неравенства, обеспечение всеобщей доступности основных социальных благ и прежде всего качественного образования, медицинского и социального обслуживания.

Основным средством построения теоретических моделей политических процессов происходящих в обществе и объясняющих сущностные черты социальной политики, является метод, контролирующий и расширяющий соответствующие политические теории. Метод, понимаемый в самом общем виде как способ познания, чаще всего включает в себя две переменные: определённые принципы, выражающие то, или иное понимание политики, и тем самым, обуславливающие основные подходы к постановке и решению политических проблем, а также, сумму определенных приёмов, техник и

процедур познания, применение которых зависит от уровня и характера изучаемых явлений, от стоящих перед учёными задач и условий текущего исследования [2]. Следовательно, от выбора метода научного исследования зависят результаты и конкретные практические рекомендации. Однако, по мнению многих учёных, ни один из методов исследования политических и социальных процессов не может полностью отразить реальность во всех её проявлениях из-за её сложности и противоречивости. Методологический плюрализм является нормой для политических и общественных дисциплин. В учёном сообществе постоянно ведется полемика о методологических принципах, конкретных методах и результатах, к которым они приводят в исследованиях общества и политики. В борьбе разнообразных позиций и мнений вырабатываются новые модели, теории, подходы к анализу политических явлений, выявляются мало изученные аспекты традиционных проблем, происходит развитие научного знания [3].

Какие же методы наиболее целесообразно использовать в процессе исследования социальной политики? Прежде всего, необходимо учитывать, что наукой накоплен огромный арсенал методов познания, и успех исследования будет во многом зависеть от того, насколько правильно выбран метод, т. к. история науки свидетельствует, что не всякий метод обеспечивает успешное решение теоретических и практических проблем. Кроме того из-за большого разнообразия научных направлений единая классификация методов исследования крайне затруднительна. Политология, как и многие дисциплины гуманитарного цикла во многом использует традиционные и общенаучные методы исследования. Можно выделить следующие группы методов исследования:

- общелогические методы или всеобщие методы научного познания (индукция и дедукция, анализ и синтез, математические, прогностические и др.);
- методы теоретического исследования (нормативный, функциональный, сравнительный, системный, институциональный, антропологический, психологический, субстанциальный, исторический и др.);
- методы отбора эмпирических данных (анализ документов, анкетный опрос, лабораторные эксперименты, наблюдение и др.).

Методы исследования сильно варьируются в зависимости от предметной области, на которую направлена деятельность. При всех различиях методы исследования имеют общую структуру, которая определяется общей логикой исследовательского процесса:

- выявление проблемных ситуаций и собственно проблем, определение их места в проблемных сферах соответствующих научных направлений и соотнесение с комплексом имеющихся знаний;
- определение механизмов, закономерностей и прогнозных характеристик формирования и развития исследуемой проблемы;
- выявление возможных направлений, обоснование и оценка эффективности практического использования различных средств и ресурсов

для разрешения или коррекции проблемной ситуации на основе полученных в процессе исследования знаний [4].

Основные направления социальной политики, а вместе с тем и возможные варианты её исследования включают в себя такие проблемы, как: стабилизация демографической ситуации; сфера здравоохранения; сфера образования и науки; сфера культуры и спорта; трудовые отношения, занятость и миграция населения; социальная поддержка населения, а также пенсии и надёжная система страхования. Исходя из многомерности исследования социальной политики, как правило, применяется не какой-то один, а определенное сочетание различного рода методов. Например, сравнительно-исторический и нормативный методы.

Метод сравнения предполагает сопоставление однотипных политических явлений с целью нахождения наиболее эффективных форм политической организации или оптимальных путей решения проблем. Основой метода являются суждения о сходстве или различии объектов, при этом важно наличие общего основания, по которому осуществляются сравнения качественных и количественных характеристик исследуемых объектов. Творческое применение сравнительного метода расширяет кругозор исследователя, способствует плодотворному использованию опыта других политических институтов. Использование данного метода особенно актуально для современной системы образования в условиях реформирования российского государства. Исторический метод достаточно хорошо известен. Это хронология событий и фактов, их исследования и взаимосвязь с прошлым, настоящим и будущим. Его актуальность многозначна в проводимых исследованиях социальной политики в целом. С помощью сравнительно-исторического метода исследуются различные этапы развития одного и того же явления. Кроме того, можно выявить и сопоставить уровни и определить тенденции развития системы образования, отразить их эволюцию. Например, проанализировать на разнообразном фактическом материале особенности функционирования общеобразовательной школы за определённый период в истории страны и образовательного пространства.

Нормативный или нормативно-ценностный метод отражает идеи свободы, справедливости, толерантности и других общечеловеческих ценностей. Ориентирован на разработку идеала политического устройства и путей его практического воплощения на основе этических ценностей и норм жизни общества. В исследованиях социальной политики в сфере образования данный метод сочетает общечеловеческие ценности и нормативно-правовое содержание, вносит в него нравственное начало.

Определённую альтернативу сравнительно-историческому и нормативному методам составляют системный, функциональный и институциональный методы. Системный метод занимает одно из ведущих мест в политических исследованиях. Его суть состоит в рассмотрении политики как целостного организма всей политической системы. При рассмотрении социальной политики в сфере образования, с позиции системного метода можно раскрыть многообразные связи и отношения внутри исследуемого

объекта и его связь с внешней средой, т. е. рассмотреть проблему комплексно, проследить развитие компонентов объекта и предмета исследования, а также влияние среды на характеристики исследуемого объекта. Например, проанализировать сферу образование в исследуемом регионе как целостную систему, имеющую комплекс собственных черт и являющуюся составной частью общероссийской системы образования. Благодаря этому, он позволяет рассматривать социальную политику как скоординированное взаимодействие составляющих её элементов.

Функциональный метод предполагает изучение зависимостей между политическими явлениями, например, взаимосвязь развития сферы образования и социальной политики, проводимой политической властью. Вследствие этого, он определяет способ взаимосвязи элементов социальной политики, их взаимовлияние, которое обеспечивает воспроизводство целостности исследуемого объекта.

Методологические основы функционального метода находят своё дальнейшее развитие в структурно-функциональном методе. Его суть состоит в рассмотрении политики как некоторой целостности, обладающей сложной структурой, каждый элемент которой выполняет определенные функции в рамках общественного целого. Специфические особенности данного метода предполагают определенное сходство с системным методом. Системно-функциональный метод используется как теоретико-методологическая основа исследования процессов социокультурной эволюции системы образования в различных обществах.

Институциональный метод ориентирован на изучение институтов, с помощью которых осуществляется политическая деятельность. В рамках институционального подхода оказывается возможным изучение функционального взаимодействия между институтом образования и другими социальными институтами, выявление его исторической динамики, а также исследование взаимодействия между социальными группами в сфере образования [5]. Наиболее показательным примером качественного обновления исследовательских программ и методов в этом направлении изучения политики является формирование так называемого нового институционализма, который сочетает прежний институционализм с теориями развития [6]. Политическая система общества как саморазвивающаяся система оказывает постоянное воздействие на политические институты, дальнейшее развитие которых определяется специфическими особенностями независимыми от этических норм.

На современном этапе развития общества особую значимость приобретают количественные и качественные методы исследования политики, сочетаемые с методом моделирования или прогнозирования. Это новый импульс в научных исследованиях социальной политики в сфере образования. Количественные способы анализа и обобщения данных позволяют получить достаточно точные и объективные данные, исключить субъективность и предвзятость из исследовательского процесса. Поэтому их значение в политологии невозможно переоценить. Однако в последнее время учёные

большее внимание стали уделять качественным методам анализа, т. к. последние позволяют более глубоко проникнуть в сущность изучаемых явлений, раскрыть социальные взаимосвязи, показать зависимость одних переменных от других, представить социальный мир не в одномерном, а в многомерном измерении. Качественные способы анализа и обобщения данных включают в себя: создание типологий, моделирование, создание и разработку теорий, политическое прогнозирование [7]. В результате применения метода качественного анализа раскрывается внутренняя сторона исследуемого объекта. Следовательно, количественный анализ социальной политики в сфере образования призван эффективно дополнять качественный анализ, создавать платформу для верификации качественных выводов. Широкое использование математики, статистики, кибернетики и других отраслей научного знания обуславливают дальнейшее развитие данных методов.

В настоящее время в связи с развитием информационных систем, а вместе с тем, и программных средств моделирования политических явлений и процессов, перспективы разработок и применения количественных и качественных методов исследования возрастают. По мнению многих учёных, моделирование является базовым методом научного исследования, поскольку до начала исследования любого явления или процесса у субъекта познания всегда имеется определенный образ или представление об этом явлении. Например, в сфере образования моделированию подлежат: процесс реформирования, инновационные проекты, сама структура системы образования, механизм реализации решений, процесс управления и т. п. Вследствие этого, методологический инструментарий количественного и качественного моделирования создаёт новые возможности исследования социальной политики в сфере образования, повышает уровень эффективности и качества проводимого исследования.

Перспективы социально-политического развития России во многом предопределяются ситуацией в стране. Поэтому, существенно возрастает научный интерес к проблемам социального прогнозирования будущего. Как показывает практика, чем выше уровень разработки прогнозов, чем они качественнее, а значит достовернее и эффективнее, тем результативнее планирование политического развития общества и его управление [8]. Следовательно, без умения научного прогнозирования хода и развития политических процессов невозможно обеспечить стабильность в развитии и функционировании социальной политики в сфере образования, способность её адаптации к внутренним и внешним изменениям в политической жизни общества. Следует отметить, что составляющие элементы политики носят динамический характер, т. е. подвергаются постоянным изменениям, а значит, актуальность метода политического прогнозирования в сочетании с другими методами будет только увеличиваться. Иными словами, метод прогнозирования способствует формированию дальновидной социальной политики в сфере образования.

Социальные изменения в российском обществе начала XXI века способствовали дальнейшему развитию и расширению базы эмпирических

исследований сферы образования. В центре внимания оказались социальные проблемы в сфере образования, особенно в части его модернизации. Методы эмпирических исследований обеспечивают получение первичной информации о политических явлениях и процессах, происходящих в обществе, актуальны, и в широком смысле слова, дополняют все выше перечисленные методы исследования социальной политики.

Таким образом, необходим комплексный подход при исследовании социальной политики. Рассмотренные методы исследования социальной политики позволяют глубже и всестороннее познать суть проблемы, её специфические особенности и выработать конкретные теоретические и практические решения. С одной стороны, для исследования социальной политики могут быть использованы любые методы, применяемые наукой, с другой, – не все приёмы и способы исследования имеют для политического знания одинаковую значимость, поэтому правильное соотношение теоретических, эмпирических и общелогических методов является важной методологической проблемой политической науки в процессе универсализации научного знания.

Список литературы

1. *Социальная политика: учебник / под общ. ред. Н. А. Волгина ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РАГС, 2008. – С. 13. – (Учебники Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации). – ISBN 978-5-7729-0330-8.*

2. *Методы политических исследований [Электронный ресурс]: политический вестник. / Электрон. журн. – М., 2010. – Режим доступа: http://politikc.ru/articles/read/metody_politicheskikh_issledovaniy/. – 29.05.2010.*

3. *Сергеева, Е. В. Формирование методологии анализа политических институтов : дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Сергеева Е. В. – Саратов, 2006. – С. 4. – РГБ ОД, 61: 06-23/91.*

4. *Тавокин, Е. П. Исследование социально-экономических и политических процессов: учеб. пособие для вузов / Е. П. Тавокин. – М.: Инфра-М, 2009. – С. 34. – ISBN 978-5-16-003115-6.*

5. *Зборовский, Г. Е. Образование; научные подходы к исследованию // Социологические исследования. – 2000, № 6. – С.21-29.*

6. *Аптер, Д. И. Сравнительная политология вчера и сегодня // Политическая наука. Новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х. Д. Клингемана. – М., 1999. – С. 374.*

7. *Политология: учеб. пособие для вузов / под ред. А. С. Тургаева, А. Е. Хренова. – СПб.: Питер, 2005. – С. 36-37. – ISBN 5-469-00430-9.*

8. *Григорьев, Е. С. Механизм политического прогнозирования: теоретико-методологические принципы: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Е. С. Григорьев. – Саратов, 2006. – С. 3. – РГБ ОД, 61: 07-23/142.*

ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ РЕЛИГИИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ПОЛИТОЛОГИИ

Шакирова Э.З.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Важность применения в политическом анализе исторического метода в большей степени обусловлена потребностями политической практики. Историческая ретроспектива дает огромный материал для исторических сравнений и аналогий, дает ключ для понимания менталитета данного конкретного государства, его традиций и обычаев, стереотипов политического сознания и поведения, помогает понять суть происходящих процессов на современном этапе.

Рассмотрим применение исторического метода на примере исследования государственной политики в области религии на Южном Урале и Среднем Поволжье во второй половине XX в.

Религиозная политика государства по отношению к РПЦ в этот период претерпела определенную эволюцию и представляла собой сложный, неоднозначный и противоречивый процесс. В государственной политике этот путь был отмечен рядом крутых поворотов: от политики конфронтации и силовых методов решения к политике инерционности в «спокойно-застойные» времена до поиска путей понимания и движения навстречу друг другу в годы перестройки и к координации и гармонизации государственно-церковных отношений в постсоветский период.

Изучение истории государственно-церковных отношений на Южном Урале и Среднем Поволжье во второй половине XX в. позволило выделить три этапа его эволюции.

Первый этап религиозной политики государства – середина 1950-х – середина 1970-х гг. Ориентиром данного периода стали такие объективные факторы, как смена лидерства в стране, изменение государственной политики в области религии, выразившееся в отказе от взаимно комплиментарных отношений, сложившихся в трагическое для СССР время, и начало новой волны антирелигиозной кампании. Попытка либерализации общественной жизни страны, предпринятая Н.С. Хрущёвым, отнюдь не стала логическим продолжением её в религиозной политике, для которой «оттепель» стала «холодной». Повышение религиозной активности населения, характерная для военного времени и послевоенного десятилетия, с одной стороны, и снижение результативности атеистической пропаганды, с другой, вызвали обеспокоенность в верхних эшелонах власти и стали, в определенном смысле, катализатором смены курса государственной политики в религиозной сфере.

Реализация политики государства в отношении РПЦ в рассматриваемый период носила агрессивно-наступательный характер, в которой были задействованы все партийно-государственные органы власти. Только за период с 1954 по 1964 гг. вышло около десятка антирелигиозных решений и

постановлений ЦК КПСС и СМ СССР, имевших «закрытый» характер и направленных на свёртывание деятельности религиозных организаций, ущемление прав верующих и духовенства вплоть до административной и уголовной ответственности. Репрессивным действиям подверглись священники С.А. Иваненко и Ф.С. Володин, верующий В.И. Почуйкин [1].

Государство грубо вмешивалось также в принципиальные вопросы по административному устройству и управленческой деятельности церкви. Это особенно проявилось в апреле 1961 г. в связи с навязанной властью реформой в области управления церковью, когда священнослужители были отстранены от руководства финансово-хозяйственной деятельностью и переведены на фиксированные оклады. В их компетенции находилась только богослужебная деятельность в рамках своих приходов. К управлению церкви были привлечены светские лица, подведомственные органам советской власти на местах.

Для решения глобальной задачи построения «светлого будущего» КПСС активно проводила агрессивную атеистическую пропаганду, которая носила всеобъемлющий и всепроникающий характер. Атеистическая работа охватывала все категории населения. Для повышения эффективности атеистической пропаганды широко использовались достижения науки и техники, включая социологические исследования, средства массовой информации. Такая массированная антирелигиозная работа не могла не повлиять на сознание советских людей и породила у них индифферентное отношение к религии, а часть были вынуждены занимать конформистские позиции. Среди духовенства прошла волна «отреченства» от сана. Это затронуло Куйбышевскую и Оренбургскую епархии (священник Петропавловской церкви И. Гусаров, священнослужитель Успенской церкви И. Бородин) [2].

К концу 1960-х гг. гонения на верующих носили более утончённый характер, декларировалась необходимость «соблюдения законности» в вопросах религии, борьба с которой облекалась в квазиправовые формы, типа «отказа в регистрации» некоторых религиозных объединений. Однако, следует отметить, что в научно-атеистической пропаганде не было определенной последовательности, системности и чаще всего она приобретала черты формальности, рутинности, эпизодичности, заидеологизированности.

Итогом двадцатилетней массированной антирелигиозной работы стало значительное сокращение религиозных объединений в епархиях. Так, в Оренбургской области из 23 церквей осталось 13, в Челябинской области из 29 – 15, в Курганской области из 14 – 10, в Куйбышевской епархии из 19 церквей функционировало 18 [3].

Для второго этапа – середина 1970-х – конец 1980-х гг. характерным был рост значимости и влияния религиозных организаций в решении внешнеполитических задач страны на мировой арене. Опубликованный в 1975 г. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении изменений и дополнений в постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» и подписание Хельсинских соглашений имели своей целью продемонстрировать мировой общественности гарантии свободы

совести в СССР. Власть позволила себе пойти на определённые уступки верующим. Давление в отношении религиозных объединений и верующих было несколько ослаблено. Открытое заявление настоятеля Крестовоздвиженской церкви с. Звериноголовское Курганской области М.С. Арчажникова свидетельствовало о гласном недовольстве положением церкви и верующих в СССР. Он отказался голосовать на выборах в Верховный Совет РСФСР и местные Советы, что уполномоченный по делам религий В.П. Суднев объяснил «расстройством нервной системы» 70-летнего священника [4].

Основным механизмом регулирования религиозной жизни, являлся государственный контроль. С завидной регулярностью под грифом «секретно» выходили решения и постановления ЦК КПСС и СМ СССР, носившие запретительно-разрешительный характер, который выражался в применении административной и уголовной ответственности. Для принятых законодательно-правовых актов и документов были характерны: повторяемость, однобокость принимаемых решений, назидательность, начётничество, невосприятие нового, заидеологизованность, субъективизм и излишний оптимизм.

Вместе с решением правовой стороны «религиозной проблемы», власть настойчиво требовала от регионов активизации атеистической пропаганды и усиления воздействия на общественное сознание. Хотя атеистическая пропаганда расширялась, но уже не была столь наступательной и всеобъемлющей. Поиск новых форм, средств и методов пропаганды продолжался, но атеистическая работа всё больше принимала инерционный характер. Атеисты действовали «без должной инициативы и наступательности, а порой даже примиренчески относились к религиозной обрядности», которая продолжала расти. Количество действующих церквей практически не изменилось. Власть все больше осознавала, что политика разрушения религии, провозглашенная КПСС, не оправдывала себя, но заведенная идеологическая машина не могла остановиться и работала в привычном для нее режиме, то есть по инерции, всё чаще пробуксовывая.

Эпохальным событием в истории отношений государства и Церкви стал 1988 год, посвященный 1000-летию Крещения Руси, что способствовало налаживанию диалога между ними и, как следствие, оживлению религиозной жизни на местах. Постановлением Священного синода от 10 апреля 1989 г. приходы Челябинской епархии были выделены из состава Свердловской и получили собственного архиерея Георгия (в миру Грязнов Александр Иванович) [5]. В этом же году архиепископ Иоанн (в миру Иван Матвеевич Снычев), освобожденный от Ульяновской епархии и сосредоточил свои усилия на одной Куйбышевской [6].

На современном этапе – 1990 – 2000 гг. наблюдаются тенденции к координации и гармонизации действий государственно-церковных отношений. Крах коммунистической идеологии, утверждение реальной свободы совести в условиях обострения социально-экономического и политического кризиса, усилившийся после неудавшейся перестройки, обусловил рост религиозного самосознания людей. Существенную роль в этом сыграла отмена 6-й статьи

советской Конституции, которая разрушила монополию на господствовавшие в обществе социалистические идеалы и ценности и, как следствие, стало причиной крушения государственной политики атеизма.

Принятый Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 г. стал очередным поворотным моментом, продемонстрировавший слом старой системы и складывание новых государственно-церковных отношений. Если до этого периода религиозная политика и практика были запретительно-ограничительными, то с принятием Закона приобретает заявительный характер. Государство и Церковь начинают совместно искать приемлемые пути и формы совместного участия в жизни общества. Православное духовенство помимо своей богослужебной деятельности активно включилось в осуществление социального служения, духовно-нравственного воспитания молодого поколения, в борьбу с «социальными болезнями». В обществе возрастает понимание роли РПЦ в духовном возрождении. Местные Советы всё больше отказывались от бюрократических проволочек в регистрации религиозных обществ, не запрещали проведение публичных богослужений, помогали им в восстановлении храмов, выделении строительных материалов, денежных средств.

Сегодня отношения государства и Церкви регламентируются Конституцией РФ 1993 г. и Законом РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г., основанных на разрешительном принципе и административно-правовых нормах. Религиозными объединениями РПЦ был принят собственный документ «Основы социальной концепции РПЦ» (2000 г.), в котором были провозглашены принципы взаимоотношений Церкви с социумом и светским государством. Были заключены ряд соглашений о сотрудничестве местной власти с религиозными объединениями.

Государственная политика, проводимая в отношении РПЦ, предоставляет широкие возможности в полной мере выполнять присущую ей компенсаторную (утешительную) функцию, чего до сих пор она была лишена. Религиозные организации Оренбургской, Челябинской, Курганской и Самарской областей активно вовлекаются в социальную сферу жизни общества. Немаловажную роль религия играет в духовно-нравственном воспитании молодежи, в борьбе с «социальными болезнями». Для решения злободневных вопросов стали традиционными формы взаимодействия религиозных объединений друг с другом и государственными структурами, а именно, организация «круглых столов», семинаров, конференций с участием представителей и других конфессий. В областных бюджетах заложены статьи финансирования религиозных организаций на восстановление и строительство новых храмов, монастырей, обителей, молитвенных домов, учебных заведений и т.д.

Новая религиозная ситуация нашла своё отражение в значительном увеличении числа религиозных объединений в рассматриваемых областях. Так, в Оренбургской области в 1990 г. составляло 34 зарегистрированных религиозных организаций РПЦ, в 2000 г. их уже насчитывалось 140 [7]. В Челябинской области в 1990 г. зарегистрированных – 37 обществ РПЦ, в 2000 г. – 136 [8]. На 1 января 1991 г. на территории Курганской области

функционировало 25 религиозных организаций РПЦ, а на 1 января 2004 г. насчитывалось уже 70 [9]. В Самарской области в 1990 г. действовало 90 зарегистрированных религиозных обществ, в т.ч. 48 православных, на 1 января 2001 г. – 186 организаций РПЦ [10].

В современной России наметился необратимый процесс в развитии отношений между государством и религиозными объединениями, где практическую значимость представляет накопленный опыт предшествующих институтов власти. Изучение истории и практики религиозной политики государства в СССР показывает, что только путём диалога и сотрудничества возможно достижение взаимопонимания, толерантности и уважения в решении многих вопросов, поэтому церковь должна занять достойное место в государстве. Уже сейчас Церковь имеет возможность более активно влиять на созидательные процессы в обществе, вносить свой вклад в духовно-нравственное и патриотическое воспитание, заниматься социальным служением и благотворительностью, просвещением и возрождением исконных традиций народов России. В свою очередь, подобная система будет способствовать созданию климата толерантности и веротерпимости во взаимоотношениях между представителями различных конфессий, между верующими и неверующими.

Таким образом, исторический метод позволил изучить эволюцию государственной политики в области религии во второй половине XX в. и предоставил возможность спрогнозировать дальнейшие перспективы развития двусторонних отношений.

Список литературы

1. **Якунин, В.Н.** История Самарской епархии в портретах ее архиереев. / В.Н. Якунин — Тольятти: ОАО ИП «Современник», 1999. — С. 243. — ISBN 5-85234-044-8.
2. **Жбанов, А.** Будь верен до смерти / А. Жбанов // Благовест. — 1995. — №7; **Бородин, И.** Почему я отрекаюсь от сана священника / И. Бородин // Южный Урал. — 1960. — 24 февраля.
3. Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 658. Л. 132; Д. 657. Л. 67; Д. 3133. Л. 157; ГУ «ГАОО». Ф. 617. Оп. 1. Д. 395. Л. 23; Д. 410. Л. 5; ГУ «ЦДНННО». Ф. 371. Оп. 37. Д. 498. Л. 67; ГУ «ГАКО». Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 44. Л.36; ГУ «ОГАЧО». Ф. П-92. Оп. 13 Д. 48. Л. 118; ГУСО «ЦГАСО». Ф. 4089. Оп. 1 Д. 30. Л. 4-5.
4. ГУ «ГАКО». Ф. Р – 1800. Оп. 1 Д. 14. Л. 290, 326-336; **Федченко, М.Н.** Русская Православная Церковь на территории Курганской области (1943 – начало 2000-х гг). / М.Н. Федченко. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. — С. 50-59 – ISBN 5-86328-572-9.
5. **Чумаченко, Т.А.** Челябинская епархия в 1940 – 1950-е годы: духовенство, верующие, власть. / Т.А. Чумаченко // Южный Урал в судьбе России: материалы научно-практической конференции. – Челябинск, 2003. – С. 348-349.

6. ГУСО «ЦГАСО». Ф. 3219. Оп. 2. Д. 79. Л. 4.

7. Религиозная ситуация и этноконфессиональные отношения // Региональная этнокультурная политика, межэтнические и этноконфессиональные отношения в Оренбуржье. Ежегодный доклад, 2005. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2006. – С. 24-29.

8. Духовные аспекты национальной безопасности. Исследования и публикации. – Челябинск, 2004. – С. 164-165; **Кишин, Б.** Церковь на кругу своя / Б. Кишин // Челябинский рабочий. – 1990. – 26-27 мая.

9. **Федченко, М.Н.** Русская Православная Церковь на территории Курганской области (1943 – начало 2000-х гг.) / М.Н. Федченко. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. — С. 122 – ISBN 5-86328-572-9; Толерантность в культуре, этнических и межконфессиональных отношениях: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Курган, 2003. – С. 8.

10. **Грешинов, Д.** Некоторые аспекты государственно-церковных отношений / Д. Грешинов // Информационный вестник «Самарская область. Этнос и культура». – 2005. – №4. – С. 304; ГУСО «ЦГАСО». Ф. Р – 3219. Оп. 2. Д. 87. Л. 2.